

— МАРИЯ ДУБИНИНА —

ДЖУЛИУС 26 ФЕЛТОН

ПОЛЫНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Мария Дубинина

Джулиус и Фелтон

ИД "КомпасГид"

2024

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Дубинина М.

Джулиус и Фелтон / М. Дубинина — ИД "КомпасГид", 2024

ISBN 978-5-907124-37-0

Начало XX века. В городе Блэкпул открывается детективное агентство «Джулиус и Фелтон», куда обращаются те, кому не в силах помочь полиция. Сотрудников двое: журналист Филипп, который волею случая оказался втянут в расследование, и загадочный мистер Джулиус – непревзойденный знаток потустороннего мира, блестяще раскрывающий самые невероятные преступления. Компаньоны берутся только за необычные дела, связанные со сверхъестественным: мстительные призраки, смертоносные проклятия, восставшие мертвецы и таинственные убийства. Раз за разом они решают запутанные головоломки и сражаются со злом, спасая жизни, пока однажды кровавое преступление из прошлого не заставляет Фелтона задуматься: какие тайны скрывает его компаньон? И можно ли ему доверять?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-907124-37-0

© Дубинина М., 2024
© ИД "КомпасГид", 2024

Содержание

Дело № 1. Смертельный страх	7
Дело № 2. Зеркала в огне	20
Дело № 3. Вдохновение на крови	33
Дело № 4. Пустая могила	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мария Дубинина Джулиус и Фелтон

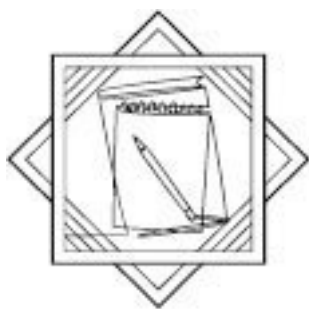
Иллюстратор Полина Граф

© Мария Дубинина, текст, 2024

© ООО «ИД «Теория невероятности», 2024

Дело № 1. Смертельный страх

Утро начиналось с традиционной прогулки, и наступивший день ничем не отличался от других. В первых числах августа в воздухе на заре витал аромат свежескошенной травы, клевера и речной воды. Пансионат «Старая мельница» на юге графства Ланкашир не мог выбрать места более удачного и живописного, чем это. Его территория органично вписывалась в окружающий пасторальный пейзаж. Я нисколько не жалел, что уступил уговорам коллег и покинул душный Блэкпул, дабы поправить пошатнувшееся душевное здоровье на лоне природы. И теперь бодро шагал по тропинке в сторону узкого горбатого мостика, сразу и прочно завладевшего моими мыслями. В сумке через плечо лежала главная драгоценность – компактный фотоаппарат, выписанный из Германии, предмет моей тайной гордости. Внимание мое привлек куст с незнакомыми крупными желтыми цветами – я скинул сумку на траву и сделал несколько снимков. Потом повернулся к мосту, желая запечатлеть его издали, навел объектив и замер, заметив человека в темно-сером строгом костюме и низко надвинутой на глаза темной фетровой шляпе. Он стоял, перегнувшись через перила, и сосредоточенно смот-

рел в воду, точно видел в ней что-то, недоступное другим. Я окликнул незнакомца и помахал рукой, однако тот отошел от края и быстро покинул мостик.

Любопытство меня одолело. В силу профессии, что не отпускала меня и сейчас, я отлично помнил всех жильцов «Старой мельницы» – высокого мужчины в сером костюме и шляпе среди них не было. Меж тем в его сосредоточенном взгляде и непринужденной позе таилось нечто странное и завораживающее. Весь интерес к съемке пропал. Я сделал несколько небрежных снимков, однако без таинственного пришельца мост стал просто мостом, поэтому вскоре я собрался и тронулся в обратный путь.

Это незначительное происшествие слегка поколебало то сонное благодушие, в плену которого я пребывал последние дни.

– Мистер фотограф! – из пансионата навстречу мне вышла юная мисс Рид, стремясь угодить прямо в мои объятия, но это ей не удалось. – Уже с прогулки?

– Доброе утро, – я вежливо приложил пальцы к козырьку фуражки. – Ходил к мосту, пока не так жарко.

Эта особа преследовала меня со дня нашей первой встречи. Кто-то внушил девушке мысль о ее безграничной красоте, и она искренне недоумевала, отчего я так упорно не желаю делать ее портрет. То, что я в принципе редко фотографировал людей, предпочитая пейзажную съемку, в расчет не бралось. Я принялся лихорадочно искать в уме поводы избежать беседы.

– Ах, Филипп, вы абсолютно не умеете выбирать объект для фотографирования, – кокетливо пожурела меня девушка. – Вот я бы с удовольствием стала вашей моделью.

Бонни Рид была из тех современных девушек, что, добившись равенства с мужчинами, частенько путали свободу с ветреностью, а равноправие со вседозволенностью. К счастью, на этот раз меня спасло появление ее тетушки, печальной женщины, на вид едва ли много старше непутевой племянницы. Я спешно попрощался с дамами и отправился в общую гостиную.

После плотного завтрака мужчины курили и обсуждали новости, которые с опозданием докатывались до нашей глубинки, пока старый полковник, имени которого я, к стыду своему, еще не запомнил, да и он сам, похоже, его нередко забывал, не обмолвился о пугающем случае, приключившемся в соседней деревне пару дней назад.

– Трагическое происшествие, господа, – попыхивая трубкой, вещал полковник. – Ужасное несчастье. Мне говорили, вдова пекаря скончалась при весьма загадочных обстоятельствах. Можете представить, поговаривают, будто женщина умерла от страха.

– То есть как это – от страха? – спросил кто-то.

– В самом прямом смысле, молодой человек. Нашли бедняжку у реки, на лице – печать невыразимого ужаса. – Мужчина, очевидно, был склонен к театральным эффектам. Он помолчал немного и добавил: – Соседи слышали жуткие вопли и собачий вой. Ужасное несчастье, да...

Мистер Картер, адвокат, гостивший в «Старой мельнице» со дня моего заселения, скептически усмехнулся:

– Чушь и ерунда. Невозможно умереть от страха, разве что она увидела привидение.

Остальные согласно загомонили. Я с возрастающим интересом прислушивался к разговору:

– Простите, а где именно обнаружили тело?

– Аккурат возле мельницы, – охотно отозвался бравый рассказчик. – После полуночи, еще теплая была.

– Боже мой, кто?

– Так покойница же.

Беседа несколько сбилась, как вдруг один из постояльцев, пожилой букинист из Лондона, задумчиво протянул:

– А вы знаете, джентльмены, я вспомнил одну историю. – И, ободряемый интересом слушателей, продолжил: – У меня в деревне есть знакомые. Они как-то рассказали, что на мельнице обитает призрак – Призрак Мельника, так его называют. Бедняга упал в реку в пьяном угаре и утонул. С тех пор увидеть его ночью – дурной знак.

Адвокат не сдавался:

– Деревенские байки. Я таких с десяток сочиню. Господа, с меня довольно. Подобные истории хороши зимой у камина, но никак не после завтрака.

Удачно вставленная шутка разрядила обстановку, разговор скоро сошел на нет.

Я бы тоже забыл, если бы байка о Мельнике снова не всплыла при обстоятельствах, весьма необычных для тихого провинциального пансионата.

* * *

Срок моего пребывания наедине с природой подходил к концу. Уезжать не хотелось не столько из-за местных красот и свежего воздуха, сколько из-за неопределенности собственного положения. Бессрочный отпуск грозил затянуться, обернувшись увольнением, а мысли о вынужденном бездействии тяготили меня.

На следующий день за завтраком ко мне подсел незнакомый мужчина и, сложив руки на груди, без предисловий произнес:

– Призрак Мельника здесь точно ни при чем.

Я вздрогнул и едва не подавился кофе.

– Люди склонны верить в потустороннее, даже такую нелепую и обыденную смерть окутали ореолом тайны, – продолжил он, точно не замечая моего смятения. – Вы согласны?

Я не задумываясь покивал, осторожно присматриваясь. В памяти, еще не пробудившейся ото сна, зашевелилось нечто забытое, хотя и не до конца. Поставив на стол чашку с кофе, я внимательно присмотрелся к незнакомцу и наконец вспомнил, где видел это строгое лицо с пронзительным цепким взглядом.

– Мы, кажется, знакомы?

Он степенно кивнул.

– Вы новый постоялец? – продолжил я.

Мужчина молчал и загадочно улыбался уголками губ, отчего улыбка показалась насмешливой и даже в некоторой степени коварной.

– Приятного аппетита, – пожелал он мне, не меняя выражения лица, поднялся из-за стола, нацепил шляпу и низко надвинул ее на глаза.

Я не мог отпустить его, ничего не выяснив. Откуда ему вообще известно о Призраке Мельника? Разве он был в то утро в гостинной? В голове щелкнуло.

– Подождите! – я бросился за ним вдогонку. – Стойте же, я видел вас раньше!

Я выбежал на веранду, но опоздал. Он в очередной раз пропал без следа.

Сама по себе неожиданная встреча ничего не значила, однако именно после нее события приняли печальный оборот.

* * *

Полночи я не мог заснуть – в памяти постоянно всплывал таинственный незнакомец. Черточка за черточкой я воскрешал его образ, пока не увидел во всей красе. Никогда прежде ни один человек не оказывал на меня такого сильного впечатления, я словно был околдован и не мог заставить себя не думать о нем.

Утро наступило раньше обычного. Причиной тому послужили громкие взволнованные голоса в коридоре, среди которых доминировал чей-то уверенный, отдающий распоряжения.

Похоже, я остался единственным человеком в «Старой мельнице», который не понимал, что происходит. В халате и мягких тапочках я вышел из комнаты и увидел, как человек в форме констебля огораживал желтой лентой противоположный конец длинного коридора. Я нахмурился, направившись к нему, и вдруг налетел на женщину, едва не сбив ее с ног.

– Простите, мэм, что случилось? – обратился я к этой любопытствующей соседке.

Миссис Клэр окинула меня удивленным взглядом – пожилая сплетница, еще более неприятная и сморщенная без толстого слоя косметики и в домашнем платье, искренне недоумевала, как я мог проспать такое событие. Если бы она знала, о чем я размышлял вместо сна!..

– Умерла Бонни Рид! Ночью. – Миссис Клэр закатила глаза и прижала сухую, похожую на птичью лапку руку к впалой груди. – Слышала, полиция полагает, что это убийство.

В голове не укладывалось. Мисс Рид? Умерла? Та самая девчонка, которая просила сделать ее портрет? Как это возможно?

Констебль быстро разогнал зевак, и удалось ненадолго приблизиться к ограждению.

– Вам нельзя здесь находиться, – сухо одернул меня страж порядка.

– Я журналист.

Но тот, скептически оглядев мой халат и торчащую из-под него полосатую пижаму, остался непреклонен. Я вернулся к себе, пытаюсь осознать, что глуповатая, но милая и жизнерадостная Бонни Рид, еще вчера допекавшая меня своими капризами, вдруг... умерла. Ни с того ни с сего, просто была – и нет больше.

Я просидел на кровати не меньше получаса, как внезапно в дверь осторожно постучали и голос горничной сообщил, что меня ждут в спальне умершей. Я безмерно удивился. Неужели мне дадут написать о трагедии уникальную статью с места событий? Или... предъявят обвинение в убийстве?

Подходя к желтому ограждению, я трепетал и ликовал одновременно, а внутренний голос, что некоторые люди зовут совестью, шептал: «С каких пор я успел стать таким циником, что через полчаса после смерти знакомой девушки сочиняю о ней статейку?»

– Филипп Фелтон?

Я тихо прикрыл за собой дверь, кивнул и с возрастающим волнением пожал протянутую жилистую крепкую руку. Передо мной стоял угрюмый коренастый мужчина в потертом твидовом костюме. Если бы меня попросили описать его, едва ли я смог бы вспомнить что-то, кроме шикарных густых усов.

– Детектив-инспектор Гаррисон, – представился он. – Мне следует предупредить вас, что детали дела не должны покинуть пределы этой комнаты и тем более попасть в прессу.

Странно. Разве его не известили, что я журналист? Впрочем, я торопливо заверил инспектора в содействии и сразу же завалил вопросами, не в силах совладать с собой:

– Ее действительно убили? Кто? Как?

Он недовольно нахмурился и кивнул в сторону окна:

– Мой... коллега все объяснит.

Я повернулся ко второму действующему лицу этой загадочной постановки и едва не подпрыгнул от неожиданности: в ореоле из слепящих лучей восходящего солнца рядом с кроватью стоял высокий человек в сером костюме. На сей раз без шляпы.

– Это я просил позвать вас. – Он шагнул навстречу и сразу же приобрел более ясные и приземленные очертания. – Дело в том, что я плохо разбираюсь в людях, к тому же никого здесь не знаю, и, раз уж мы почти знакомы, ваше участие может оказаться полезным.

Я не просто удивился – я был ошарашен. Однако здравый смысл позволил взять себя в руки и хладнокровно спросить, ибо я не был настроен столь же оптимистично:

– Кто вы, позвольте узнать?

Мужчина немного растерянно переглянулся с инспектором Гаррисоном. На губах его играла легкая улыбка.

– Я? Волонтер.

Ответ еще больше меня запутал.

– Как вас зовут?

– Джулиус.

– Это имя или фамилия?

– Это профессиональный интерес или праздное любопытство?

– Попытка познакомиться.

Мистер Джулиус, кем бы он ни был, задумчиво поджал губы и после непродолжительного молчания изрек:

– И то и другое.

Я предположил, что это ответ, хотя ясности он не внес. Я по-прежнему не понимал цели моего присутствия, а странное поведение нового знакомого только добавило головной боли. Не пытается ли он выставить меня идиотом?

– Простите, но при чем здесь я?

– Уважаемый...

– Фелтон, – напомнил я. – Филипп Фелтон.

– ФФ? Чудесное имя. – Джулиус, очевидно, сбился с мысли и снова на некоторое время замолчал. – Взгляните на тело.

Он резко откинул простыню. Взорам присутствующих открылась неприглядная картина внезапной смерти. Бледное до синевы лицо девушки было до неузнаваемости искажено гримасой ужаса. Судя по положению тела, смерть застигла бедняжку врасплох в собственной постели – мисс Рид, все еще в ночной сорочке, вскинула руку, точно пытаясь отгородиться от чего-то, нам неведомого. Для меня это оказалось полной неожиданностью – никто не спросил, хочу ли я увидеть покойную. Я боялся мертвецов, и сейчас мне сделалось жутко.

– Причина смерти – остановка сердца, – пояснил инспектор Гаррисон. – Она умерла мгновенно.

Я не сводил глаз со сведенных судорогой пальцев девушки, про себя проклиная Джулиуса.

– Вы журналист, Фелтон, – напомнил он. – И наверняка помните всех постояльцев, их повадки и привычки. Чтобы избежать паники, мы сначала поговорим с вами.

Наконец Джулиус соизволил объяснить, зачем меня пригласили. Если это поможет делу, я с удовольствием, но прежде все-таки выясню одну вещь:

– Так вы полицейский?

Инспектор насмешливо хмыкнул в густые усы, «волонтер» сделал вид, что не услышал вопроса.

– Для начала давайте прогуляемся, и расскажете, какой была мисс Бонни Рид.

Мы покинули пансионат сразу после того, как я торопливо переоделся.

Пение птиц и ласковые лучи августовского солнца уже не могли вернуть мне бывшего расположения духа. Сельская идиллия дала трещину, обнажив суровую, беспощадную к чужим страданиям реальность. Рядом размашисто шагал мистер Джулиус, человек-загадка.

– Я не из полиции, – внезапно заявил он, и я почти не удивился неожиданной смене темы. Видимо, для него не существовало начала и окончания беседы, только фрагменты, расставленные им в произвольном, понятном лишь ему порядке.

– Кто же вы?

– Энтузиаст. Доброволец. – Я терпеливо переждал паузу, точно пластинку в граммофоне заело. – Вы были близко знакомы с погибшей?

– Погибшей? Она была убита?

– Да или нет?

– Нет, – и пояснил: – Мы познакомились в пансионате, изредка беседовали ни о чем. Дело в том, что...

– Разные интересы.

– Именно. – Стало легче от того, что не пришлось разъяснять.

За неторопливым разговором, мало походящим на допрос, в моем, конечно, понимании этого слова, мы дошли до горбатого мостика. Я рассказал, что видел Бонни в последний раз, возвращаясь с утренней прогулки.

– Да, я тоже заметил вас с моста. Отличный фотоаппарат.

– Бонни умерла от страха? – Мне вспомнился тот любопытный разговор в гостиной. – Это вообще возможно?

– Вы не представляете, дорогой Филипп, сколько в мире возможных вещей.

Я действительно не догадывался сколько, и меня терзало чувство, будто Джулиусу на самом-то деле известно гораздо больше, чем он говорит. Что он за человек такой?

Вместо дальнейших, бессмысленных, стоит полагать, расспросов с моей стороны, я обстоятельно поведал обо всех жильцах «Старой мельницы», благо обладал неплохой памятью и умением обращать внимание на детали. Но мне показалось, что Джулиус не слушает.

– Простите, это все важно, о чем я говорю?

Он рассеянно поправил шляпу и продемонстрировал уже знакомую улыбку.

– Совсем недавно вы обсуждали подозрительную смерть женщины из деревни.

Я поразился его осведомленности:

– Да, черт возьми! Откуда вы узнали?

– От надежного человека, – уклончиво ответил Джулиус.

Я сразу решил, что это адвокат. Кто еще мог быть связан с тем, кто помогает полиции?

– Однако призрак несчастного мельника здесь ни при чем.

– Вы уже говорили, только я не понял, что вы имели в виду?

Джулиус резко остановился, да так, что я по инерции прошел вперед еще шагов пять.

– Идемте на мельницу. – И без промедления сменил направление движения.

Как ему удастся удивлять меня снова и снова, отчего не приходит в голову послушаться? Признаться честно, я был заинтригован до предела. Журналистский нюх, который периодически просыпался во мне, уверенно вел след в след за новым знакомым. Я доверился чутью.

Мельница знавала лучшие времена – вероятно, после смерти владельца ее совсем забросили.

– Где у нее лопасти? – озадаченно спросил мистер Джулиус, задрав голову к небу. Я позволил себе легкую усмешку:

– Она водяная. Смотрите, у нее колесо в воде.

Проявляя подобную осведомленность, я от души надеялся, что продолжать не придется, ибо это все, что я знал об устройстве водяных мельниц.

– В любом случае нужно осмотреть все помещения, сколько бы их ни оказалось. Вы ничего не чувствуете?

Я старательно принялся, однако не почуял ничего, кроме специфического речного запаха.

– Нет.

– Неудивительно.

Не проронив более ни слова, Джулиус толкнул дверь, и та, к нашему удивлению, оказалась незапертой.

– А мы имеем право... – заколебался я, на что Джулиус неожиданно зло сверкнул насыщенно-кариими глазами:

– Конечно имеем. Тем более жертв может стать больше. Уж поверьте мне.

Ничего не оставалось, кроме как принять его приглашение и пройти внутрь первым. Помещение напоминало смесь кладовки и гостиной. От пыли засвербело в носу. Здесь давно никого не было – вероятно, мы первые за последний год.

– Что ищем? – спросил я.

– От страха можно умереть, Филипп, если страх имеет облик.

Я задумался, пытаясь понять, на какой из многочисленных вопросов он ответил. Вспомнил и поинтересовался:

– О чем вы?

– Очень просто. Вы боитесь темноты, банкротства, смерти, но разве умрете от этого?

Мгновенно, испугавшись до инфаркта?

Я медленно покачал головой.

– А если бы на вас из-за угла выскочила бешеная собака с оскаленной пастью?

В его словах присутствовала логика, и я в чем-то согласен. Страх, чтобы убить, должен как-то выглядеть, что-то из себя представлять.

– Хотите сказать, мисс Рид напугал человек?

– Отчасти.

Джулиус замолчал, словно прислушиваясь. Внимательные темные глаза выискивали что-то, я же не замечал ничего особенного – впрочем, это первая мельница в моей жизни, увиденная изнутри.

Мой спутник сдвинулся с места. Я, невольно подражая, принялся методично осматривать помещение. Джулиус дотрагивался до всего, до чего мог дотянуться, даже до истрепанного ковра на полу. Мне стало интересно:

– Что вы делаете?

– Изучаю место преступления.

Я только присвистнул – вскрытие еще не проводилось, а он уже уверенно заявляет об убийстве. Бонни могла отравиться или действительно умереть от сердечного приступа, к тому же это произошло не здесь, а на территории пансионата. Однако Джулиус точно читал мои мысли:

– Патологоанатом не ошибся с причиной смерти. Сердечный приступ. Наша же задача, как бы сказать, – он беззвучно пошевелил тонкими губами, – обнаружить причину причины смерти.

Определенно, этот человек не переставал меня удивлять.

– И еще, – он растянул губы в улыбке, которая, очевидно, должна была изображать добродушие, но почему-то пугала. – Место преступления и место обнаружения тела – это не одно и то же.

Я промолчал, и мы разошлись в разные стороны. Однако Джулиус не нашел того, что искал или надеялся найти, а я тем более потерпел фиаско. Мы вернулись в пансионат. Возле крыльца нас поджидал угрюмый инспектор Гаррисон. Джулиус спросил:

– Кто?

– Виола Элиот.

– Когда?

– Предположительно одновременно, плюс-минус полчаса. Тело нашли в ванной комнате.

Я поспешил вмешаться:

– Тело? Какое тело?

– Мисс Элиот, – вместо инспектора пояснил Джулиус. – Мне жаль, но я предполагал подобное.

Мисс Элиот была теткой Бонни Рид, тенью, таскавшей за ветреной девушкой, с хладнокровием ящерицы выдерживая ее темперамент. Я часто видел их вместе, в том числе и в день, когда общался с Бонни в последний раз.

– Боже мой... Неужели и ее убили?

Инспектор бросил на Джулиуса гневный взгляд из-под нахмуренных кустистых бровей, на что тот покачал головой. Я не понял смысла их обмена жестами – настолько меня потрясло это известие.

– Мистер Фелтон, вы знали, что мисс Рид и мисс Элиот в действительности были сводными сестрами?

Вопрос инспектора застал меня врасплох:

– Нет! Но разве теперь это важно?

– Невероятно важно, – сурово отрезал Джулиус. – Невероятно.

* * *

На несколько долгих дней меня отстранили от расследования. Я вынужденно терпел бесконечные пересуды взволнованных постояльцев и скучные однообразные допросы полицейских. Самого меня официально допрашивали лишь раз, но хватило и этого. По пансионату расползались жуткие истории про неупокоенный дух хозяина мельницы. Я держал в уме фразу Джулиуса о непричастности мельника и удивлялся внезапно проснувшейся суеверности людей, еще вчера считавших себя цивилизованными и просвещенными. Но даже те, кто не верил в призраков, проявили себя не с лучшей стороны. В частности, это касалось адвоката Эндрю Картера. Я оказался свидетелем отвратительной сцены, когда мистер Картер затеял ссору с инспектором.

– Вы не имеете права возбуждать дело и держать нас здесь взаперти! – кричал он. – Эти чертовы женщины умерли естественной смертью!

– Наши эксперты утверждают обратное.

– Пусть ваши эксперты катятся к чертям! Я буду жаловаться!

Возмущение адвоката, в сущности, оправданно, но меня смутила горячность, с которой он отстаивал свое мнение. Горячность, которая ранее в нем отсутствовала.

Однажды после обеда я вновь удостоился чести быть приглашенным во временный штаб полиции, где встретил мистера Джулиуса в компании знакомого мне букиниста из Лондона. Я поприветствовал их, гадая, в чем причина, ведь допросы уже закончились.

– Добрый день, Филипп. Вы, вероятно, удивлены, застав здесь этого господина?

Букинист снисходительно улыбался.

– Мистер Ллойд оказал нам услугу, опознав обрывок бумаги, найденный в камине одного из постояльцев.

Я осторожно взял в руки бумагу, обгоревшую по краям, и сразу же подумал о том, что камин летом не топят. Кто-то сжег ее намеренно.

– Что здесь написано? – Символы оказались незнакомыми.

– Что-то очень древнее и могущественное, – туманно выразился мистер Ллойд. – Вам этот текст едва ли знаком.

Джулиус нацепил шляпу и, выхватив у меня листок, взял со стола маленький кожаный чемоданчик:

– Идемте, Филипп, мне понадобится ваша помощь.

Не знаю, почему согласился пойти с ним. Из любопытства, внезапной привязанности или страха сказать «нет»? Однако выбор сделан, путь наш лежал в сторону мельницы. Шестое чувство подсказывало, что разгадка близка.

К моему удивлению, у дверей стоял мрачный констебль в каске. При нашем появлении он выгнул грудь колесом и глухим, точно доносившимся из пресловутой каски голосом доложил:

– Подозрительных личностей не обнаружено, сэр!

Джулиус рассеянно кивнул и, отослав его обратно в пансионат, чтобы он случайно не нарушил планы, прошел мимо, я за ним.

– Что мы ищем теперь? – спросил я, не особо надеясь на ответ. Его и не последовало.

Джулиус скинул шляпу, поставил чемоданчик на пол и принялся ходить по комнате. Я почувствовал себя лишним и по собственному почину отправился гулять по мельнице. Одна из дверей привела меня туда, где, как я полагал, жернова перемалывали зерно и получался белый порошок, из которого хозяйки пекут аппетитную сдобу. Я с интересом осмотрелся, впрочем, не решаясь что-либо трогать, пока не услышал требовательный окрик:

– Филипп!

Вернувшись, я заметил перемены, а именно – потрепанный ковер, еще недавно располагавшийся под ногами, рулоном лежал у стены, а в воздухе витала пыль. Мой компаньон был сосредоточен и крайне серьезен, что изрядно меня встревожило.

– Знаете ли вы, почему полиция прибегла к моим услугам? – как бы между прочим поинтересовался Джулиус.

– Откуда мне знать, – обиженно пожал я плечами. – Вы же не говорите.

– Потому что полиция не в состоянии справиться вот с этим.

Я посмотрел под ноги – на грубо окрашенных досках белым мелом был нарисован двойной круг с вписанной в него пятиконечной звездой. Края рисунка пестрели неизвестными мне знаками-закорючками. Несмотря на нелепость сего чертежа, он наводил на определенные мысли.

– Теперь понимаете?

– Понимаю, но лишь то, что кто-то, вероятно преступник, психически невменяем или специально насмехается над следствием. Боже мой, от псевдоокультурных каракуль еще никто не умирал.

Закончив обличительную речь, я пересекся взглядами с Джулиусом и стушевался. В его читались разочарование и обидная снисходительность. В остальном же он предпочел сделать вид, что ничего не слышал:

– Духов великое множество, не все они злые. Это весьма глубокая тема, мы не станем ее касаться, по крайней мере сейчас. Наш маг в точности прорисовал пентакль. Посмотри, по краю внутренней окружности вписаны так называемые божественные имена. Не советую проносить их вслух. Сама звезда опоясана символами добрых духов-защитников, призванных снизить риски для самого мага. Все, казалось бы, предусмотрено, однако горе-заклинатель кое-что не учел. Он не замкнул круг защитным знаком, поэтому призванная им сущность до сих пор на свободе, даже если изначально должна была устранить только одну жертву, на которую ей указали. Я ведь предупреждал, что будут еще погибшие? Теперь тварь не успокоится, пока не утолит голод. Повезло, что днем люди в относительной безопасности.

Я не верил своим ушам:

– Вы с ума сошли? О чем вы толкуете? Колдовство, духи, заклинания. – Я спохватился: – Пойдите, вы же говорили, что мельник...

– ...ни при чем. Это так. Бедолага умер окончательно и бесповоротно.

– Нет, ну все. Я ухожу. – Я решительно направился к выходу, но обманчиво спокойный голос остановил меня у самого порога:

– А я-то надеялся, вы мне поможете.

– В чем? – я обернулся. – Нужно найти и наказать убийцу, а не играть в волшебников.

– Убийца не проблема. Инспектор Гаррисон уже к утру назовет вам имя, но сами убийства не прекратятся, Филипп. Помогите, другого такого человека, как вы, мне не найти.

– Что вы собираетесь предпринять?

– Ничего особенного. Останетесь – увидите, – Джулиус приподнял уголок губ в подобии дружеской улыбки.

Я сколь угодно долго мог убеждать себя, что дело не в откровенной лести, и не в примитивной наживке «останетесь – увидите», и уж тем более не в том, что я хоть на секунду поверил в эту мистическую чушь. Однако я остался, чтобы своими глазами все увидеть, а после сказать: «Ну я же был прав!»

Ждать пришлось долго – целых восемь часов. Констебль, ранее отосланный со своего поста, принес нам обед и снова удалился, но Джулиус к еде даже не прикоснулся, обмолвился лишь, что это собьет физический настрой. Спустя первые четыре часа я искренне пожалел о собственной сговорчивости:

– Разговаривать вам тоже нельзя?

– Отчего же, можно.

– Тогда почему молчите?

– Вы ни о чем не спрашиваете.

Я приуныл – все равно от него не дождешься вразумительных ответов. Однако подумав немного, все же задал волновавший меня вопрос:

– Зачем я вам нужен?

Джулиус пошевелился на стуле, отчего луч заходящего солнца упал на его лицо, придавая густо-коричневым глазам медный блеск.

– Чтобы меня спасти. – Он посмотрел в окно. – Солнце садится. Слушайте меня, пожалуйста, внимательно. От того, все ли вы сделаете правильно, зависят моя жизнь и жизни невинных людей.

Я пообещал быть внимательным. Джулиус продолжил:

– Я подготовлю все к ритуалу призыва и войду в транс. Что бы вы ни увидели и ни услышали, Филипп, как бы ужасно это ни было, не убегайте. Как только начнет затухать последняя свеча, разбудите меня, каким угодно способом. Я должен прийти в себя до того, как свечи погаснут. Вам все ясно?

– Ясно, но... Вы ведь это уже делали?

– И не раз.

– Кто же был с вами до меня?

Джулиус задумчиво пошевелил губами и просто сказал:

– Кошка.

Я не понял, смеяться или плакать.

– Кошка? Но как? Что с ней стало?

– Кошки, Филипп, очень умные и чувствительные существа, но, увы, не вечные. Милли умерла от старости.

Оставшееся время я размышлял о том, что призван сегодня заменить почившую кошку. Оптимизма это не прибавляло.

Я окончательно пал духом, когда Джулиус резво подскочил со стула и хлопнул в ладоши:

– Пора!

Он задернул шторы и повернулся ко мне:

– Сядьте вон на тот стул и наберитесь терпения. Если заснете – нам обоим конец.

Это «нам» не укрылось от моего внимания. Теперь неясная угроза нависла и над моей головой. Я послушно сел и стал наблюдать.

Джулиус скинул пиджак, оставшись в темно-сером жилете и белой накрахмаленной рубашке, и без стеснения опустился на четвереньки. Мелком, извлеченным из недр чемоданчика, он старательно, словно школьник на грифельной доске, прорисовывал едва видимые в сумраке знаки по краям уже начерченного кем-то круга. Изредка мужчина отстранялся, любуясь делом своих рук, и пояснял:

– Я замкнул круг вызова в нескольких местах так, чтобы в него можно было попасть, но самостоятельно выбраться нельзя. Если бы вы хоть что-нибудь понимали, то непременно оценили бы гениальную простоту моей затеи.

После этого Джулиус расставил по углам звезды пять коротких толстых свечей неожиданно белого цвета, в то время как я, признаться, ожидал черного или красного. Впрочем, я мог ориентироваться лишь на бульварные романы средней руки. Мне о многом хотелось спросить, но, предвидя такой поворот, Джулиус приложил палец к губам и, запалив по очереди все свечи, торжественно вошел в круг.

Сердце мое замерло.

Однако я слишком много читал. Ни грома, ни молний, ни иных проявлений гнева небес не последовало. И все же жуткая тишина, тени на окнах, легкое потрескивание свечей, но более всего – неподвижный силуэт мужчины в белой рубашке – наводили страх гораздо более иррациональный, нежели я мог представить. За полчаса воск свечей едва оплавился. Я начал непроизвольно покачиваться, погружаясь в дрему, как вдруг две свечи одновременно погасли. В комнате заметно похолодало, и непонятно откуда взявшийся сквозняк зашевелил волосы на затылке. словно чье-то дыхание коснулось вспотевшей спины холодным воздухом. Так я впервые почувствовал страх. Погасла третья свеча, фигура заклинателя наполовину погрузилась во мрак. Я помнил наставления, но с трудом представлял, как их исполнять, потому что *слышал*. Тихий шелест, будто ползет змея в траве, шепот, как сквозь толстое стекло, и гул. Он нарастал, и вместе с затуханием четвертой свечи Джулиус закричал. В этом крике сквозили нечеловеческие боль и страх. Я боялся даже представить, что с ним происходило и что он чувствовал. Воздух сгустился вокруг него, корчащегося в центре нарисованного круга. Вновь повисшая тишина была полна отголосками стихшего вопля.

– Что мне делать? Скажи, что мне делать?!

Естественно, он не ответил. То, что показалось обманом зрения, проступало четче, сливалось с телом Джулиуса, затем словно выныривая из него. Я покрылся холодным потом. В чернильной темноте мельницы остался гореть лишь один слабый огонек. Последний маяк.

Джулиус снова закричал, перемежая отчаянные вопли со словами на древнем языке. Я был близок к тому, чтобы разрыдаться от бессилия.

Огонек свечи затрепетал, угасая. Я испуганно вскрикнул, ворвался в круг и, обхватив Джулиуса за пояс, вместе с ним упал на пол. Уже в полной темноте...

Мои познания в медицине никуда не годились, зов о помощи остался без ответа. Искусственное дыхание и непрямой массаж сердца, увы, были единственным, что я сумел предпринять. Джулиус не шевелился и едва заметно дышал. И без того светлая кожа приобрела восковую бледность, влажные от пота волосы свернулись в завитки на лбу и висках и казались почти черными в лунном свете. Я не решился подходить к свечам. Пережитый ужас еще бродил в крови. Я сидел, привалившись к стене, голова была пуста и легка.

– Мистер Фелтон! Мистер Джулиус! Мистер Фелтон!

Я подскочил к окну и с радостью Робинзона Крузо замахал людям из полиции.

Мы спасены!

* * *

Вряд ли тогда я мог внятно объяснить произошедшее, но, по счастью, не понадобилось. Видимо, инспектор Гаррисон был в курсе всего, лишь я один чувствовал себя не в своей тарелке. Впрочем, судя по выражениям лиц, brave констебли тоже испытывали неловкость.

Джулиус пришел в себя по пути к пансионату, я заметил это первым, однако он был настолько слаб, что не смог или не пожелал со мной разговаривать.

– Мы заперли мерзавца в его спальне, – сообщил Гаррисон. – Но он совсем плох. Не в себе.

Джулиус с трудом присел на носилках и даже сделал попытку спустить вниз ноги. Его остановила бдительная медсестра из местного персонала.

– Я должен с ним поговорить, узнать. Он должен мне сказать.

Инспектор обратился ко мне:

– Вы свободны, Фелтон. Благодарю за сотрудничество.

Вскоре я остался один, словно ничего не случилось. Острое чувство обиды захлестнуло меня. Кроме того, мне было безумно интересно, к какому результату привело наше ночное предприятие. Так я промучился не более получаса, после чего решительно направился за объяснениями. Самое удивительное, меня выслушали и проводили в другую комнату, этажом выше!

– Вы хотите знать, кто убийца, Филипп? – Джулиус удобно развалился в кресле с видом человека, выполнившего свой долг. – Смотрите.

Я робко огляделся, встревоженный его едкой интонацией, и почти сразу наткнулся взглядом на скрюченное тело в углу. Адвокат Эндрю Картер навеки замер с вытаращенными от страха глазами и широко раскрытым в немом крике ртом. Я отвернулся.

– Что с ним?

– Зло вернулось. Зло всегда возвращается. – Джулиус указал на соседнее кресло. – Перед вами человек, убивший троих: мисс Элиот, мисс Рид и самого себя.

В беседу вступил инспектор:

– Подозреваемых было мало, нам не составило труда изучить их биографии, поднять старые связи. У покойного мистера Картера несколько лет назад был роман с мисс Элиот. Известно, что закончился он резко и весьма неприятно для обеих сторон. Картер преследовал женщину, слал письма и тому подобное и, не добившись расположения, начал угрожать.

– Иными словами, мотив прост как мир, – подключился Джулиус. – Но каков способ! Наш преступник приобрел на редкость правдивую рукопись одного вряд ли вам известного исследователя оккультизма. Тут как нельзя лучше приключилась история с таинственной смертью у мельницы, вспомнились деревенские сплетни. Картер решил расправиться с обидчицей с помощью сил, неподвластных людям. Сам он при этом оставался вне подозрений. Да и о каких подозрениях может идти речь, если женщина умерла от остановки сердца. Однако Картер кое-что упустил. Мисс Элиот была сводной сестрой мисс Рид, незаконнорожденной дочерью их общего отца. Волосы или что-то другое, взятое для «приманки» духа, сыграли с мисс Рид злую шутку – она стала второй жертвой. А из-за незамкнутого круга дух бы не остановился, если бы мы не провели ритуал. В общем, испугавшись, убийца спрятал свои художества под ковром. Он опасался, как бы вы от фотографирования пейзажей не перешли на внутренние интерьеры, и потом не успел уничтожить улики. Кстати, вы проявляли снимки? Нет? Займитесь этим в ближайшее время, возможно, на них мы увидим что-то интересное.

Я машинально покивал, однако смысл слов доходил до меня с опозданием. Дух, Картер, сестры. Все это словно дурной сон.

– А мельник?

– Что – мельник?

– Женщину из деревни убил его призрак?

Джулиус от души расхохотался:

– Не городите чепухи, Филипп! Нет, конечно.

– А истории про собачий вой и жуткие вопли той ночью? – я не собирался сдаваться.

– Не верьте всему, что слышите, верьте тому, что видите сами.

Я покосился на мертвеца в углу:

– Так что же с ним случилось?

Джулиус на редкость легкомысленно отмахнулся:

– Умер от страха. Я боролся с духом и победил, но перед тем как исчезнуть, тот, пытаясь поквитаться, явился перед хозяином, несмотря на защитные знаки. И сердце Картера тоже не выдержало, – добавил он жестче. – Так и бывает. А вы что хотели? Заигрывать со злом – опасно, а пытаться им управлять – смертельно.

* * *

Утро наконец наступило, только оно не было таким же, что и всегда. Я стоял возле открытого окна, на постели лежал собранный чемодан.

– Уезжаете? – в комнату без стука вошли. Я кивнул:

– Да. А вы?

– Уезжаю, я свою работу выполнил.

Джулиус встал рядом и посмотрел в окно на полосу реки и одиноко возвышающуюся над ней мельницу.

– Было приятно иметь с вами дело, Филипп. Я, по сути, оказался поблизости случайно, но ничуть не жалею.

Пол заскрипел под его шагами

– И, к слову, Джулиус – это имя.

Я словно очнулся ото сна, ведь, сколько ни отгораживайся, реальность рано или поздно прорвется наружу, некоторые вещи лучше принять такими, какие они есть. Я схватил чемодан и выбежал вон.

– Стойте! Стойте! – крикнул я, выскакивая на крыльцо, и Джулиус остановился, едва сойдя со ступенек. – Кто теперь будет помогать вам?

– Не знаю, – мужчина нахмурился. – Заведу другую кошку.

– Не надо кошку. – Встретившись с ним глазами, я выпалил не раздумывая: – Хотите, я поеду с вами?

Джулиус озорно улыбнулся:

– «И не убоюсь я зла»?

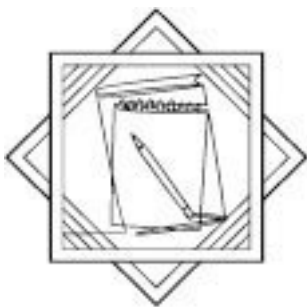
– Так хотите или нет?

Он поправил шляпу, помолчал немного и протянул руку:

– Джулиус Олдридж. Приятно познакомиться.

Дело № 2. Зеркала в огне

Пустые стены в обрывках старых обоев и голые грязные окна против обыкновения не нагоняли тоску. Наоборот, будоражили фантазию, в уме уже складывались картинки будущего интерьера.

– Стены красить не будем, слишком официально. Купим обои подороже и... Эй, вы меня слушаете?

Джулиус ни единым жестом не дал понять, что его застали врасплох. Мой товарищ и компаньон не разделял радужного настроения, царившего у меня в душе, чем, признаться, немало меня обижал. Дело в том, что после двухмесячных мытарств по дешевым гостиницам и постоялым дворам мы вернулись в Блэкпул, где мне, не без некоторых усилий, удалось уговорить Джулиуса арендовать помещение для оказания специфических услуг нуждающимся в них людям. За прошедшие два месяца я, проводивший с ним дни и ночи, ни на йоту не продвинулся в осмыслении его удивительных способностей. Зато доводилось быть очевидцем самых неожиданных и, не побоюсь этого слова, невозможных проявлений не познанной человеком природы

потустороннего мира, о существовании которого обыватели могут лишь догадываться. И вот, офис будущего детективного агентства, предмет моей тайной гордости, в нашем полном распоряжении. Но отчего-то Олдридж хранил суровое и многообещающее, как и весь он сам, молчание. Я начал испытывать определенное беспокойство:

– Вам не нравится?

– Я все прекрасно слышу, мой юный восторженный друг, – медленно, словно через силу, промолвил он, отвечая на первый вопрос, заданный много минут назад. – И не имею ничего против конкретно этого помещения.

Наученный опытом, я терпеливо ожидал продолжения.

– Однако сама идея... Какая глупость, простите, Филипп, предлагать людям наши услуги, точно горячие пирожки на вокзале. «Агентство “Олдридж и Фелтон”. Оказание магических услуг населению»?

Неприятно было слышать подобное высказывание из его уст, и тем не менее стоит признать, что зерно истины в нем есть.

– Можно придумать другое название... – Под пристальным взглядом компаньона я вконец растерялся. Похоже, претворить планы в жизнь было не суждено.

От продолжения разговора Джулиуса спас некий звук. Он повторился, и я с удивлением узнал в нем стук. Обычный стук в дверь, если забыть, что никому, за исключением владельца, адрес не известен.

– Кто бы это мог быть?

Джулиус не тронулся с места – пришлось самому принимать неожиданного гостя. Точнее, гостью, ибо на пороге стояла строгая дама с неприятным вытянутым лицом, прижимавшая к груди ридикюль:

– Мистер Джулиус?

– Да, но... – Я хотел исправить женщину, однако в последний момент передумал. Незнакомым людям мой товарищ представлялся лишь именем, тем самым вводя в заблуждение и не позволяя узнать о себе все. Раз дама знала его как мистера Джулиуса, значит, он так захотел. – Нет. Я его компаньон.

– Молодой человек, – сурово, как школьная учительница, произнесла дама, – мне необходимо увидеть мистера Джулиуса. Немедленно доложите о моем визите.

– Нет нужды, – к нам неслышно подошел сам Джулиус и галантно поклонился. – Мэм, чем обязан?

Дама прошла в прихожую и едва заметно наморщила нос. Я был рад, что компаньон избавил меня от общения с ней, потому как неприязнь к посетительнице крепла с каждым сказанным ею словом.

– Инспектор Гаррисон рекомендовал вас как высококвалифицированного специалиста по решению, скажем так, деликатных вопросов.

Произнося эту замысловатую фразу, она исподволь разглядывала убогую обстановку нашего будущего офиса: облупленные стены, пыльный пол, из мебели лишь письменный стол у окна в смежной комнате да пара стульев.

– Прошу, мадам, пройдемте в... кабинет. – Он запнулся, вероятно представив, какое впечатление произвел на женщину царящий вокруг бардак. – Я готов внимательно вас выслушать.

Для меня явилось открытием, насколько галантным и обходительным может быть мой странный друг. Обычно манера его поведения вызывала у людей удивление, недоумение, а порой, что тоже случалось, раздражение. Вы бы поняли, если бы сами пообщались с ним, получая ответы на примитивные бытовые вопросы спустя четверть часа, причем содержание могло быть связано с заданным вопросом лишь косвенно. Сейчас же передо мной был совсем иной Джулиус, умело и ловко обхаживающий потенциальную, даже поверить сложно, клиентку. Я

достал из внутреннего кармана маленький блокнот и карандаш и приготовился конспектировать предстоящий разговор.

– Меня зовут Генриетта Жаклин Терилл-Диксон, – представилась дама. – Я происхожу из древнего аристократического рода Диксонов, берущего начало со второй половины восемнадцатого века... – Я с тоской отложил карандаш в сторону, готовясь к длинной и совершенно ненужной лекции о генеалогии славного рода Диксонов. К счастью, Джулиус также не жаждал услышать увлекательную историю всего семейства. Он обаятельно улыбнулся и мягко прервал рассказчицу:

– Прошу прощения, мадам, могу я узнать, как сказанное вами относится к делу, приведшему вас ко мне?

Миссис Терилл-Диксон оскорбленно поджала губы:

– Молодой человек, имейте хоть каплю почтения к истории!

Готов поклясться, темно-карие глаза моего компаньона наполнились таким искренним раскаянием, что я испугался, не захочет ли он продолжения «урока». Но нет, я, видимо, еще недостаточно хорошо его знал, если знал вообще.

– Что вы, мадам, мой дед служил в Королевском Ирландском полку, и я, несомненно, чту историю своей страны. Однако сам, как человек нового, двадцатого, века, вряд ли могу послужить ей иначе, как разобравшись с вашим, бесспорно, деликатным и серьезным делом.

Мне сию же секунду захотелось заплодировать актерскому гению Джулиуса, и лишь присутствие миссис Т.-Д. остановило от поспешного поступка.

– Что ж, перейдем к сути. Меня пытаются убить.

Олдридж ничем не показал заинтересованности, лишь чуть подался вперед:

– Прошу, продолжайте.

– Моей жизни угрожает опасность. В моем собственном доме! Я уверена, меня прокляли.

С таким убеждением миссис Терилл-Диксон направилась напрямик в полицейское управление к самому инспектору Гаррисону. Я никого не удивлю, если скажу: ее заявление не восприняли всерьез, но, учитывая странные обстоятельства неудавшихся «покушений», опытный инспектор рекомендовал женщине обратиться к нам, зная о затее с детективным агентством.

– Я ежесекундно рискую жизнью, – патетично вещала пострадавшая. – Буквально вчера со мной приключился такой случай.

Миссис Т.-Д. всегда поздно отправлялась в постель и по традиции полчаса перед сном проводила в кабинете покойного мужа. Так же она поступила и накануне вечером. Погасив в кабинете свет перед уходом, женщина взялась за дверную ручку, но обнаружила, что дверь заперта снаружи. Кабинет вдруг заполнили клубы светящегося тумана. Миссис Терилл-Диксон вспомнила, как почувствовала легкую вибрацию, исходящую от стен и пола. Внезапно один из тяжелых стеллажей с книгами опасно накренился и медленно рухнул, непременно придавив бы своей массой растерянную женщину, если бы та не успела спрятаться под стол.

– И это уже третий случай. На прошедшей неделе вода в ванной нагрелась без видимых причин, хотя минуту назад была еле теплой, а ковер на лестнице сам собой выскользнул из-под ног, так что я уцелела чудом. Прошу, помогите. Инспектор заверил, что вам можно доверять. – Миссис Терилл-Диксон сжала ридикюль сильнее, впиваясь желтоватыми ногтями в кожаную ручку. – Еще одну такую ночь мне не пережить.

– Ночь? – вскинулся Джулиус, точно охотничий пес, почуявший добычу. – Трагические неприятности случались только с вами и только ночью?

– После 23:00, если точнее, – педантично уточнила визитерша. – Естественно, только со мной. Говорю же, молодой человек, меня прокляли.

Несмотря на некоторый опыт, полученный при совместной работе с Олдриджем, я склонен был подвергнуть слова миссис Терилл-Диксон сомнению. Право слово, слишком часто люди сваливали на сглазы и проклятия совершенно обыденные неприятности.

– Мадам, – проникновенным голосом обратился Олдридж, – даю слово джентльмена, что проклятия, о котором вы говорите, нет. Вас никто не проклинал.

– Но как же так? – забавно возмутилась дама. – Молодой человек, я абсолютно уверена, меня проклинали!

Она так часто и уверенно повторяла эту фразу, что у меня зародились подозрения о вменяемости посетительницы. Переубедить ее точно не представлялось возможным.

Джулиус поднялся во весь свой внушительный рост:

– В любом случае нам с коллегой необходимо посетить ваш дом и сделать собственные выводы. Если вы согласны, обсудим условия.

Таким образом, еще не открывшееся паранормально-детективное агентство получило первое дело.

* * *

– Почему вы решили, что на ней нет проклятия? – спросил я, когда на следующее утро мы садились в такси. – То есть это вообще возможно – наложить проклятие?

Джулиус прохладно относился к автомобилям и предпочел бы пройти пешком, если бы адрес, названный миссис Терилл-Диксон, не указывал на пригород.

– Конечно возможно. «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам»¹.

Он осторожно влез на заднее сидение и застыл неподвижно. Страх перед машинами – еще одна странность моего компаньона, хотя и самая безобидная.

– И все же как вы узнали?

– Профессиональный секрет, – таинственно ответил он, а я всю дорогу гадал, в чем же он заключался.

Родовое гнездо Диксонов мне понравилось. Большой, но аккуратный дом из обветшалого красного кирпича в окружении буйной зелени деревьев и розовых кустов. Белые оконные рамы сияли краской, а начищенные стекла отражали солнечный свет. Пройдя по идеально ровной гравийной дорожке к тщательно подметенному крыльцу, пришлось признать: хозяйка держит владения в железном кулаке.

– Я не знаю такого проклятия, которое действовало бы ночью и не действовало днем или, скажем, утром, – поделился размышлениями Олдридж, выбираясь из душного салона. Я с легкостью парировал:

– А если в самом тексте проклятия значилась именно ночь?

Джулиус удивленно приподнял брови:

– Что за вздор? Проклинают сгоряча, а не заранее заготовленными фразами.

Оставив меня осмысливать услышанное, он поднялся по ступенькам и позвонил в старомодный колокольчик.

Как особа педантичная и в высшей степени пунктуальная, миссис Терилл-Диксон ожидала нас в гостиной в компании франтоватого юноши с копной непокорных каштановых волос, вероятно сына или племянника. При нашем появлении дама поднялась. Я на миг ощутил себя таким Ватсоном из любительской постановки детективов сэра Артура Конан Дойла, явившимся вместе с Великим Сыщиком раскрыть очередное запутанное преступление.

¹ «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам» – Шекспир, «Гамлет». (Прим. ред.)

– Мадам, – Джулиус изобразил легкий поклон. – Позвольте напомнить, мы здесь с неофициальным визитом, и не стоило все же...

– С меня довольно! – внезапно воскликнул юноша, вскакивая. – Я ухожу!

Он промчался мимо, как ветер, хлопнув на прощание тяжелой дверью. Повисла неприятная пауза.

– Прошу его простить, – справилась с собой хозяйка, потемнев лицом от сдерживаемого гнева. – Невоспитанный мальчишка.

Джулиус подмигнул мне, уже всюю строя в голове гипотезы, постичь которые я пока не мог.

Нам показали дом и познакомили с малочисленной службой. Очень хотелось произвести впечатление на компаньона, поэтому я старательно фиксировал в блокнотике мельчайшие детали, независимо от их важности.

Нашему вниманию представили галерею портретов славных предков миссис Терилл-Диксон и предметы исключительной художественной и исторической ценности, на мой любительский взгляд. Однако ковер потерял краски и местами был затерт, пахло пылью, которую редко убирали, доски пола возле входа скрипели под нашим весом. Без преувеличения можно сказать: жилище и его обитатели знавали и лучшие времена. Что поделаться, годы летят, сменяя все, раньше казавшееся важным.

Олдридж достал из кармана жилета старомодные серебряные часы на цепочке:

– Будет лучше, если мы вернемся вечером и постараемся засечь ваш... феномен. Это вас устроит?

Женщина боролась с собой. Я посмотрел на Джулиуса и увидел в его взгляде превосходство. Он знал, что услышит.

– Я прикажу, чтобы открыли комнаты для гостей, – не очень-то гостеприимно выдавила миссис Терилл-Диксон. – Чем скорее разгадаете эту загадку, тем скорее я смогу спокойно заснуть.

Такое решение устраивало обе стороны. Сославшись на предписание врача, хозяйка удалилась в свою спальню, и мы остались предоставлены сами себе.

– Что скажете, Филипп?

Вылизанная до неприличия полукруглая прихожая упиралась в беломраморную лестницу, устланную чуть потертой, но тщательно вычищенной ковровой дорожкой. Открытая галерея взидала вниз глазами с потемневших старинных портретов, а из открытых дверей первого этажа тянуло сыростью, свежими цветами и золой. По вечерам, вероятно, в каминах разжигали огонь, несмотря на летнее тепло. Все было так аккуратно, чисто и на своих местах, заботливо протерто от пыли и расставлено в строгом порядке, что походило на музейную выставку. Словно законсервировано во времени – отголосок умирающей эпохи.

– Не знаю, Джулиус, мне как-то не по себе.

Он кивнул, соглашаясь то ли со мной, то ли с собственными мыслями.

– Вы что-то записывали? Давайте посмотрим на наши комнаты и обсудим план действий.

Молоденькая горничная, почти ребенок, как могла, привела комнаты в жилой вид, но запах плесени и гнилой воды неприятно ударил в ноздри.

– Господи, что это за жуть?!

Олдридж невозмутимо прошествовал в комнату и безошибочно указал на забытую на подоконнике вазу. Позеленевшая вода источала гнилостные флюиды.

– Какая преступная забывчивость, – тихо пробормотал Джулиус, и сложно было понять, имеет ли он в виду вазу или что-то другое.

Сквозняк скрипнул дверью в глубине комнаты. Наши спальни оказались смежными и сообщались между собой. Я почувствовал облегчение от того, что не буду совершенно один перед лицом неизвестной опасности. И тут же устыдился. Что бы это ни было, оно не сможет

навредить нам при свете дня – впрочем, еще никто, кроме хозяйки, не сталкивался с трудностями. Я почти убедил себя, что имею дело с фантазиями пожилой викторианской леди с чужинкой, однако что-то упорно твердило мне: Олдридж не ошибается, а он точно что-то подозревал.

Джулиус посоветовал мне прогуляться по дому и записать все, кажущееся любопытным. Не совсем поняв суть поручения, я добросовестно заносил в блокнот буквально все, что видел и слышал.

Вечером мы снова встретились.

– «Слишком много роз», «горничная подозрительно смотрит», «с кухни пахнет паленым». – Джулиус захлопнул блокнот. – Чем, позвольте спросить, вы занимались весь день, Филипп? – строго спросил он. – Бродили вокруг кухни и подглядывали за горничной? Может, подсчитывали розы?

Краска стыда обожгла щеки – я не краснел так с тех времен, когда учитель математики драл меня за уши. Я был посрамлен и пристыжен, слова оправданий не лезли в голову.

– Неужели совсем ничего полезного? – робко спросил я, стараясь придать голосу хоть каплю твердости, а интонации – уверенности. Джулиус еще сердился, однако мне показалось – по нахмуренным бровям, плотно сжатым тонким губам и взгляду, направленному куда-то сквозь мой несчастный блокнот, – мысли его уже занимало что-то иное.

– Так вы подсчитали розы или нет?

Я оскорбился:

– Не считайте меня дураком, Джулиус, я...

– Так идите и запишите, где и сколько букетов расставлено, в каком они состоянии и как часто их меняют. Времени у вас – час. Идите же!

Подобные розыгрыши были совсем не в стиле моего компаньона, потому я уныло побрел проводить «расследование».

Вернувшись, я застал Олдриджа пребывающим в глубокой задумчивости.

– Ах, это вы... Милейшая миссис Терилл-Диксон пару минут назад покинула кабинет. Возьмите с собой спички, свет может пригодиться.

И ни слова о злосчастных розах!

Пустой дом, погруженный во тьму, – что может быть более пугающим и будоражающим фантазию, щекочущим нервы? Все звуки, услышанные днем, всплывают из глубин подсознания, приобретая причудливые формы. Гул автомобильного двигателя может показаться вам органной музыкой, шорох одежды – бестелесным шепотом, а скрип половиц – лязгом цепей. Ночь волнует, ночь рождает фантомы.

Мы, вооружившись свечой в простом подсвечнике, брели по пустым темным коридорам, словно две тени. Я старался анализировать ощущения, но даже собственное прерывистое дыхание пугало до мурашек на коже. Я зябко повел плечами и понял вдруг, что действительно замерз.

– Джулиус, – свистящим шепотом позвал я. – Вы это чувствуете?

Он ответил одним взглядом: глаза стали большими и черными от расширившихся зрачков. Меня пробила дрожь.

Мы вышли на галерею. Портреты точно ждали этого, уставившись масляно поблескивающими глазами, зло и дико, прямо в упор. Так, как бывает только ночью.

Часы пробили полночь. Налетевший откуда-то сквозняк задул пламя свечи, и дом погрузился во мрак.

Джулиус, не останавливаясь, покинул галерею, войдя в темный тоннель узкого коридора. Я последовал за ним и увидел, с трудом преодолевая черноту, как он указывает на что-то пальцем. В конце коридора сиял крошечный огонек. Я подался вперед, выглядывая из-за плеча

рослого компаньона, и в этот момент тьма раскрасилась множеством пылающих голубым огнем пятен. Свет струился из стен, сливался и сворачивался в туманные кольца. И туман пел.

Я стиснул голову ладонями, пытаюсь заглушить заунывный гул, будто звенела туго натянутая струна. Джулиус потянул меня за локоть, крича прямо в ухо:

– Скорее! Миссис Диксон!

Мы побежали прочь, через галерею, на лестницу и оттуда – в главный коридор. Из-под двери спальни хозяйки сочился голубоватый свет. Я невольно отшатнулся, однако Олдридж без колебаний вынес хлипкую преграду и исчез внутри. Все, что я увидел, это удивительно блестящую поверхность зеркала прямо напротив входа, а спустя секунду Джулиус загородил его спиной. Я же не нашел в себе сил пойти за ним...

* * *

Я не смел показаться Джулиусу на глаза. Пережитый ужас и позор – ведь я повел себя как последний трус! – буквально приковали меня к постели.

Срочно вызванный доктор обследовал миссис Терилл-Диксон, которую, по словам Олдриджа, некая невидимая сила едва не задушила в постели, однако не обнаружил никаких следов удушения! Мне ужасно хотелось присутствовать при разговоре с доктором, однако чувство вины прочно удерживало на месте.

Дверь соседней комнаты скрипнула.

– Филипп! Прекратите убиваться и идите сюда!

Я принял приглашение с радостью. Джулиус стоял у окна вполоборота, опершись локтем о подоконник. Заметив меня, он криво улыбнулся:

– Не стоит так себя корить, все живы и относительно невредимы.

С последним утверждением можно было поспорить, впрочем, оно того не стоило.

– Советую выспаться как следует, завтра нас ждут долгий день и бессонная ночь.

Последовать совету оказалось совсем не просто. Я беспрестанно вздрагивал во сне, куда-то бежал, кажется, даже звал на помощь – и рассвет встретил сидящим на груди смятого постельного белья, невыспавшимся и мокрым от пота.

* * *

Первым делом мы посетили комнату вспыльчивого юноши – сына миссис Терилл-Диксон, которого, как выяснилось, звали Ричардом. Имя вполне подходящее для отпрыска старой влиятельной семьи, коей Диксоны когда-то были. Он ночевал вне дома и еще не вернулся.

– Посмотрите, какая милая девушка, – Джулиус, не глядя, сунул руку под подушку и извлек салонный снимок белокурой красавицы с сияющей улыбкой. – На обороте подпись «Мое сердце твое навеки». – Он так и эдак покрутил фразу на языке и сморщился, будто съел слишком много сладкого. – Смею предположить, тайная возлюбленная, иначе зачем прятать снимок?

Он тем же образом положил фотокарточку на место и замер в охотничьей стойке, уже мне знакомой:

– Тут что-то еще.

На свет появилась тонкая мягкая книжечка в черной обложке. Личный дневник, предположил я – и ошибся. Мне приходилось сталкиваться с подобными изданиями, и от них был только один вред: взять хотя бы чтиво, с помощью которого адвокат Картер оборвал жизни сразу двух девушек.

– Мальчик увлекается магией?

Джулиус не успел ответить. Дверь едва не слетела с петель, и в проеме возник сам Ричард Терилл-Диксон:

– Какого черта?! Что вы здесь делаете?

В отличие от меня, Олдридж сохранил спокойствие в сложившейся неприятной ситуации:

– Это ваше? А матушка знает?

Юноша нервно выхватил книжку и как был, в ботинках, растянулся на кровати, всем видом выражая презрение:

– Можете рассказать, мне плевать. Мне на всех вас плевать, слышите?

Я не умел вести беседы с трудными подростками, однако Джулиус не был настроен на долгий разговор:

– Вы хотели отомстить матери за то, что она пытается разлучить вас с дамой сердца?

Щеки Ричарда вспыхнули.

– Откуда вы... – Потом догадался о фотографии. – Может, и хотел, вам какое дело?

– И отомстили?

Юный Диксон опустил глаза, вдруг растеряв боевой задор:

– Нет... Не смог.

Джулиус кивнул и вышел.

Такое случилось, сказал он мне позже. Люди легко прибегают к помощи сил, им неподвластных, дабы удовлетворить свои низменные желания. Кто-то желал мести и творил ее. Бедный парнишка выбрал неверный путь.

Джулиус поприветствовал поднимающуюся по лестнице незнакомую женщину. Она была невысокой и крупной, с округлыми чертами лица и пухлыми белыми пальцами, цепляющимися за перила. Несмотря на кажущуюся мягкость, в женщине был характер, он чувствовался в цепком взгляде, коим она нас наградила.

– Доброе утро, господа. С кем имею честь?

Мы представились и, в свою очередь, узнали имя дамы. Ею оказалась Хелен Ларсен, сестра миссис Терилл-Диксон. Джулиус высказал желание немедленно побеседовать.

– А, детективы, – протянула миссис Ларсен насмешливо. – В таком случае пройдемте в мою комнату, чтобы вы лично убедились, что я не прячу там дамский пистолет или крысиный яд.

Лишним будет даже упоминать, насколько непохожими оказались сестры – сухая и чопорная Генриетта и саркастичная волевая Хелен.

Миссис Ларсен поведала нам в характерной насмешливой манере, как после смерти мужа сестра приютила ее у себя, «поделилась кровом и пищей», как высказалась сама Хелен.

– Можно сказать, я живу здесь из милости, слежу за домом, руковожу прислугой, веду бухгалтерию, но я благодарна Генриетте за доброту и понимание.

Я по-иному взглянул на чистый дом и ухоженный сад. Оказывается, вся эта красота – дело рук совсем не той сестры, что нам думалось.

– Вы только что вернулись, – прервал Джулиус. – Позвольте спросить, где вы были?

– Ночевала у старой школьной подруги. Она тяжело заболела, и за ней некому ухаживать, кроме меня.

– Часто гостите у нее?

– Довольно часто в последнее время. Это все?

Уточнив имя подруги, Джулиус пропустил служанку с охапкой свежих роз и откланялся. Я поспешил за ним.

– Вы видели эти розы, Филипп? – спросил он до странности жизнерадостным голосом.

– Конечно видел, я же говорил, их часто меняют.

– И вы, конечно, заметили, что время не совпадает с указанным вами в записях?

Я начал злиться:

– К черту розы, Джулиус! Подумайте лучше, что скажете миссис Терилл-Диксон о ее сыне.

– Что вы имеете в виду?

– Как это что? – я изумился непонятливости компаньона. – Ведь именно он повинен во всех покушениях.

Олдридж невозмутимо ответил:

– Не будем торопиться, мой друг, подождем утра.

Ожидание было мучительно. Я не видел Олдриджа с тех самых пор, как он зашел к миссис Терилл-Диксон и после, так ничего и не объяснив, вызвал такси и уехал. Несомненно, в его странной голове созрел план, однако посвятить меня в подробности он вновь не счел нужным.

С каждым часом мне становилось все тревожнее, к ужину я едва притронулся, гипнотизируя взглядом пустой стул Джулиуса. Часы безжалостно отсчитывали минуты.

Миссис Терилл-Диксон закрылась в кабинете мужа, и, когда я мерил шагами гостиную, появился Джулиус.

– Какого черта вы творите?! – Ярость буквально клокотала во мне. – Это нечестно! Вы исчезаете на весь день, будто так и надо, а потом выставяете меня дураком!

Вспышка гнева обессилила меня, к тому же я чувствовал, что перегнул палку: в конце концов, никто не пытался выставить меня дураком, кроме, пожалуй, меня самого. Я одними губами прошептал:

– Простите...

Джулиус прошествовал к миниатюрному диванчику и тяжело сел. Я только сейчас заметил, как он устал.

– У нас есть два часа, насколько я могу судить по предыдущим случаям. Надеюсь, вы хорошо отдохнули, иначе нам всем несдобровать. А пока расскажите, что происходило в доме в мое отсутствие.

Мне нечего было сказать, кроме того, что миссис Терилл-Диксон не далее как четверть часа назад закрылась в своей спальне, а ее сестра ушла к подруге.

– А юный Ричард?

Его я не видел с ужина.

– Что ж, тогда предлагаю начать. – Джулиус энергично подскочил с диванчика, но я преградил ему путь:

– Одну минуту, компаньон, вы забыли посвятить меня в ваш гениальный план.

– Ах, это, – он недовольно прищурился. – Ваше любопытство не знает границ, Филипп. Объяснения могут подождать до утра?

– Нет!

Как донести, что это не просто любопытство, а инстинкт самосохранения? Я должен знать, что нам предстоит, чтобы быть полезным и в случае чего суметь за себя постоять.

Джулиус приблизился и доверительно взял мои руки в свои:

– Филипп, мы много пережили вместе за эти несколько месяцев. Неужели вы настолько не доверяете мне? Без нужных доказательств – грош цена нашему расследованию. Вы понимаете? – Я согласился. – Вы мой маяк и опора, я уже говорил.

– Постойте, но вы не говорили почему.

– Разве это имеет значение сейчас? Вы готовы играть свою партию вслепую? Делать то, что я скажу?

Мне такой план был не по душе, но я еще не выработал такую силу воли, чтобы отказать проникновенному взгляду умных карих глаз, блеск которых так близко, что отвернуться не было возможности. Это чистой воды манипулирование и шантаж.

– Что я должен делать?

* * *

Часы пробили полночь. Я поправил беруши, даже не представляя, зачем они могут понадобиться. Тишина стала почти осязаемой, плотной, как вата в моих ушах. Джулиус поймал мой хмурый взгляд и ободряюще улыбнулся. Мы, на первый взгляд бесцельно, бродили по пустому спящему дому.

В такие минуты мысли не способны сосредотачиваться на чем-то конкретном, однако я отчетливо помню, что перед тем, как мистический туман выпустил свои щупальца, размышлял, с каким удовольствием коснусь головой подушки и усну. Я правда очень хотел спать – наверное, сказалось нервное напряжение.

Мы стояли посреди полукруглого холла, в котором не так давно хорошо потрудились, перетащив все зеркала из коридоров второго этажа. Их оказалось так много, что все было заставлено тускло блестящим отполированным стеклом.

Джулиус знаком велел мне максимально сосредоточиться, и благодаря ему я не пропустил момент, когда зеркала вспыхнули. Призрачный голубой огонь вырывался из зазеркалья, и в абсолютной тишине ночи это зрелище производило сильное впечатление. Джулиус наклонился, прокричал мне в самое ухо: «Бегите к миссис Ларсен и разбейте зеркало, скорее!» – и толкнул в объятия колдовского огня и тумана.

Я помчался наверх быстрее ветра, подгоняемый вибрирующей волной, бьющей в спину и сжимающей голову стальным обручем, и с разбега ворвался в незапертую дверь. В нос ударил запах золы. Розы свесили вниз поникшие бутоны.

Гул достиг пика и рассыпался стеклянным звоном. Я перевел дух и вынул из ушей осточертевшую вату, испачканную кровью. Нужно было скорее исполнить поручение Джулиуса. Я огляделся и увидел старинный комод, а над ним – темное зеркало в деревянной, покрытой пеплом раме. Дерево еще дымилось, а отражающая поверхность клубилась голубым сияющим туманом. Я протянул к нему руку, и искры ужалили ладонь. Было слышно, как часы на стене отмеряют время. Я схватил табурет и швырнул в зеркало. Меня окатило дождем из осколков и жалищими искорками умирающего колдовства...

В холле дела обстояли не лучше. Пол хрустел под ногами битым стеклом, в электрическом свете мелкие осколки сверкали, как бриллианты. Посреди хаоса возвышался Джулиус с победно скрещенными на груди руками. Я подошел ближе и увидел красные подтеки на его шее, тянущиеся от ушей и исчезающие за некогда белым воротником рубашки. Лицо и руки также были изранены и кровоточили.

– Боже мой, Джулиус, что вы натворили?! И главное, как?

– Что? – Он потрогал ухо и сморщился от боли. – Повторите, пожалуйста, громче.

Я повторил.

– А, вот вы о чем. Все очень просто, мой друг. – Он извлек из кармана тонкую дудочку и гордо мне продемонстрировал: – Этот свисток издает высокочастотные звуки, они разрушают чувствительные ушные перепонки человека и столь же разрушительно воздействуют на некоторые другие предметы, например стекло.

– Ультразвук!

– Вы абсолютно правы. Ну, а зеркало в комнате миссис Ларсен?

– Я разбил его, как вы и велели.

Олдридж нетвердой походкой добрался до дивана и рухнул на него.

– Благодарю, вы, возможно, спасли жизнь нашей первой клиентке. – Он впервые заговорил об агентстве серьезно, что не могло не радовать. – Кому-то из нас придется провести ночь здесь, чтобы изобличить злодея.

– Я останусь и посторожу, а вам стоит вздремнуть, чтобы наутро блестяще завершить расследование.

Джулиус растроганно улыбнулся:

– Вы просто ангел, спустившийся с небес, Филипп.

Он перекинул ноги через подлокотник и закрыл глаза. Я же сел в кресло напротив двери и приготовился ждать.

Шаги на крыльце вывели меня из глубокой задумчивости, в которой я пребывал последние несколько часов перед рассветом. Я стряхнул наваждение и осторожно разбудил мирно спящего компаньона. Тот поднялся навстречу миссис Ларсен и вежливо пожелал доброго утра. До меня наконец дошло, что имел в виду Джулиус, прося подождать, и я посмотрел на женщину самым презрительным взглядом, на который только был способен.

– И вам доброго утра, господа. – Она окинула поле боя цепким взглядом и побледнела. – Что здесь произошло?

Я хотел было ответить, однако Олдридж остановил меня.

– Давайте позовем любезную хозяйку, вашу сестру, и я назову имя злоумышленника.

Втроем мы устроились среди битого стекла, а Джулиус возвышался над нами, подобно мужественному воплощению Фемиды².

– Миссис Терилл-Диксон обратилась к нам с деликатной проблемой. Кто-то желал ей смерти и для этого использовал весьма нетрадиционные средства. Мы с мистером Фелтоном лично убедились в наличии некой сверхъестественной силы, покушающейся на жизнь миссис Терилл-Диксон. Силы, умело направляемой злой человеческой волей. Проведя предварительное расследование, мы также обнаружили, что у обоих членов семьи были основания желать нашей клиентке смерти. Филипп?

Я смутился, мне не приходило в голову, что придется говорить:

– Да... Ричард, ваш сын, мадам, хотел отомстить за то, что вы препятствуете его отношениям с девушкой, чью фотографию он хранит под подушкой.

Джулиус одобрительно покивал.

– Теперь вы, миссис Ларсен. Вы старшая из сестер Диксон, но живете в родовом гнезде на правах экономки, почти прислуги. Наверняка вам хотелось справедливости.

Миссис Ларсен скептически фыркнула.

– Этот некто, замысливший убийство, поступает весьма хитроумно. Не просто насылает порчу или проклятие на жертву, а проводит над зеркалом определенный сложный ритуал, призывая в наш мир целый сонм духов из зазеркалья. Пока то, первое, зеркало цело, его владелец управляет сонмом, который использует все зеркала в доме как порталы из своего измерения в наше. При этом, несомненно, рискуют оба: и потенциальная жертва, и сам преступник, – но дело ведь того стоит? Надо лишь осторожно обращаться с первым зеркалом.

Все присутствующие затаили дыхание, ожидая, когда, наконец, прозвучит имя.

– Розы маскировали запах паленого дерева от медленно тлеющей рамки зеркала, непригодной к таким нагрузкам. Но цветы быстро вяли под влиянием темной атмосферы в доме. Филипп тщательно записал время, когда их меняют. Чаще всего это делали в двух комнатах. – Выдержав театральную паузу, Джулиус торжественно перешел к главному: – Ричард Терилл-Диксон невиновен, по ночам он встречается с девушкой и давно забросил мысль о мести. Миссис Ларсен... невиновна. – В этот момент женщины переглянулись. – Зеркало найдено в ее комнате, однако его повесили туда накануне. Вопрос: где оно висело раньше? – Он обвел нас взглядом и остановился на хозяйке: – Вы. Вы приказали перевесить зеркало, вы увешали зеркалами коридоры и дали распоряжение горничной менять цветы в своей комнате в два раза чаще. Я почувствовал их запах в самый первый день, но вода в вазах гнивала

² Фемида – античная богиня правосудия.

моментально и дала мне понять, что в доме прибегали к зловещим силам. Потом, конечно, вы спохватились и начали замечать следы, не ожидая, что мы настолько продвинемся.

Миссис Терилл-Диксон подскочила:

– Да как вы смеете! Я потомок древнего рода! Вы лжец! Лжец и негодяй!

– А не хотите ли услышать, почему вы организовывали покушения на саму себя?

Хелен Ларсен подняла руку:

– Я хочу услышать. Мне интересно, в чем меня чуть не обвинили.

– А тут все гораздо проще. Я проверил алиби миссис Ларсен – она действительно навещала больную подругу. После я сходил к вашему семейному адвокату и рассказал мою версию, ему оставалось лишь подтвердить.

Как оказалось, свою часть наследства миссис Терилл-Диксон давно потратила, и финансы сестры пришлись как раз кстати. Однако миссис Ларсен вдруг заявила права на половину дома и грозила подать исковое заявление в суд. Это вело не только к потере денег, но и к грязному пятну на белейшей репутации семьи Диксонов. Тогда благородная дама придумала сложный и хитрый план, который пришелся бы полиции не по зубам, а чтобы окончательно выйти из-под подозрения, наняла двух никому не известных детективов, рассказам которых о светящемся тумане никто не поверит. Однако ошиблась – инспектор поверит, как верил Джулиусу всегда.

– Умереть должна была не Генриетта, а Хелен.

Я едва верил услышанному, до того все оказалось невероятно и запутанно.

Миссис Терилл-Диксон внезапно выхватила из складок старомодной траурной юбки дамский пистолет и возбужденно замахала им перед нашими носами:

– Все назад, я невиновна, вы ничего не докажете! Я происхожу из уважаемого семейства...

Входная дверь тихонько скрипнула, и женщина, безумно закричав, открыла стрельбу на звук. Мы с Джулиусом бросились на нее с разных сторон и повалили на диван. Оружие выпало из ослабевших пальцев.

– Это Ричард! – воскликнула миссис Ларсен. – Боже мой, Ричард! Он ранен!

Поверженная женщина на диване беззвучно разрыдалась.

* * *

Ричарда осмотрел тот же врач, что не так давно осматривал его мать, а Джулиус от помощи отказался. Полицию вызывать не стали, на этом настояла миссис Ларсен. Она твердо решила обойтись без полиции, однако иск в суд все же планировала подать.

– Нельзя доверять дом наших родителей сумасшедшей. Я позабочусь и о нем, и о Генриетте с племянником.

Получив гонорар, заметно увеличенный благодарной женщиной, мы отбыли обратно в агентство.

– Вы не пойдете домой, Джулиус? – спросил я в дверях.

– Мне нужно подумать, не ждите меня.

– Вы недовольны? Мы... Вы оказались правы во всем и раскрыли первое дело. Справедливость восстановлена.

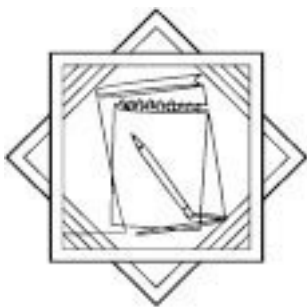
– Восстановлена ли? Это непростой вопрос, Филипп. Вы слишком молоды, чтобы судить беспристрастно.

Я пожал плечами: на вид Олдридж казался не старше сорока, я бы даже сказал, моложе, но внешность бывает обманчива. И еще: не всегда стоит понимать слова Джулиуса буквально.

– Хорошего дня. – Я вышел и прикрыл за собой дверь, оставляя напарника в глубокой задумчивости. Трудно сказать, что именно происходило в этой странной голове, может, даже он не всегда любил оказываться правым.

Дело № 3. Вдохновение на крови

Газеты пестрели шокирующими заголовками.

Джулиус раздраженно отбросил свежий выпуск «Блэкпул Тайм» и, поморщившись, сжал пальцами виски. Я до сих пор непозволительно мало знал о компаньоне, в том числе чем он занимается, возвращаясь в пустую квартиру на Санрайз-авеню, однако не мог не заметить, что особенно скверно Олдридж выглядел после ночи пятницы, хотя сам же настоял на том, чтобы не закрывать агентство на выходные.

Одним таким пасмурным субботним утром мы как раз сидели в офисе детективного агентства, когда Джулиус начал просматривать прессу. По мере того как менялось его вечно серьезное неподвижное лицо, росло и мое любопытство. Что за статья могла вызвать такую бурю эмоций?

– Что за чушь! – воскликнул он в сердцах и нахохлился, точно сердитая ворона. – Ваши коллеги, Филипп, не видят дальше своего длинного носа, да и то, что замечают, преподносят исключительно пережаренным!

Я нисколько не обиделся, тем более что находился в бессрочном отпуске и не спешил возвращаться в родную редакцию. Недавняя заметка об убийстве парня-эмигранта действительно была написана несколько вызывающим языком, а факты, в ней описанные, откровенно, на мой профессиональный взгляд, надуманны. Что делать: при отсутствии интересного материала для периодической печати даже из самого скучного сюжета можно раздуть сенсацию. Подобрал газету, презрительно им отброшенную, я пролистал заголовки. Снова писали про поэта по фамилии Хиггинс – похоже, интересная личность, хотя я не был поклонником поэзии, да и Джулиус вроде тоже. Наверное, не оно. И вот, прямо следом за заметкой о поэте, я увидел весьма любопытную статью и вслух зачитал:

Кровопийца из Зеленого квартала.

Кто объявил войну выходцам из Северной Ирландии? Нашему корреспонденту удалось одним из первых оказаться на месте очередного зверского убийства...

Я прервался, вопросительно посмотрев на Джулиуса.

– Продолжайте, продолжайте, – ядовито пробормотал тот. – Вы еще не всё прочитали.

Я пробежался взглядом по крикливым строчкам, каждое слово в которых, казалось, состояло исключительно из заглавных букв, а уж количество восклицательных знаков грозило побить все мировые рекорды:

Полиция отказывается давать комментарии по поводу произошедшего, но местные жители уверены: убийства продолжатся!

Я отложил газету:

– Я все еще не понимаю, что вас так расстроило?

– О, Филипп! Дайте сюда, – Джулиус порывисто схватил номер «Блэкпул Тайм» и, водя пальцем по строкам, зачитал:

Полиция запретила фотографировать тело, однако налицо большая потеря крови.

– Почему, Филипп? Что с ним случилось?

– Парню крепко досталось? – предположил я неуверенно.

– А теперь проявите хоть каплю детективного таланта, мой друг, и еще раз взгляните на заголовок.

Я подчинился:

– «Кровопийца из Зеленого квартала».

Джулиус ждал продолжения, однако я никак не мог понять, чего он от меня хочет. Надеюсь, степень моего смущения не сильно отразилась на лице, хотя от мучительных раздумий щеки начали ощутимо гореть.

– Ладно, – Олдридж откинулся на спинку кресла со скучающим и ленивым видом. – Не мучайте себя, от вас уже пышет жаром, как от парового котла.

Что я мог ответить?

Джулиус взял со стола карандаш, что-то черкнул в газете и подтолкнул ее ко мне. На первой полосе слово «кровопийца» было жирно обведено в неровный кружок. В голове у меня наконец щелкнуло, и я удивился, как же сразу не догадался, к чему он вел, ведь все очевидно:

– Вы считаете, это вампир!

– Господи, Филипп! Кто вам такое сказал? – досадливо поморщился мой друг. – Это *вы* так считаете.

С минуту я просто молчал, переваривая услышанное, а потом Джулиус, будто и не было этого странного разговора, продолжил мысль, оборванную уже давно:

– Инспектор Гаррисон еще не позвонил! Весьма легкомысленно с его стороны не обращать внимания на очевидные факты присутствия в этом деле потусторонних сил...

– У нас нет телефона.

– ...хотя даже вы поняли... Что вы сказали?

Настал мой черед снисходительно улыбаться:

– У нас нет телефона. Мастер обещал явиться в начале недели, но так и не пришел. Нет телефона – нет звонка из полиции. Это элементарно.

На краткий, очень краткий миг я возвысился до небывалых вершин, но стук в дверь низверг меня обратно на землю.

– Вероятно, Гаррисон пришел к тому же выводу, – криво усмехнулся Джулиус, оставив меня переживать свое прискорбное падение.

– Доброе утро, джентльмены, – громогласно поприветствовал инспектор. От его коренастой плотной фигуры пахло сыростью, холодом и крепким табаком. Я пожал протянутую руку и по привычке приготовил блокнот для записей, хотя не ожидал услышать что-то новое.

– Чаю? – Олдридж был сама любезность. – Нет? В таком случае я готов выслушать, что привело вас к нам.

По его серьезному прямому взгляду и сжатым в тонкую ниточку губам никак нельзя было догадаться, что он и без длинных предисловий знал причину столь раннего визита. Инспектор действительно не сумел удивить.

– Дело темное, Джулиус, – закончил он рассказ и, спросив разрешения, закурил. Грубые пальцы с желтоватыми ногтями заядлого курильщика ловко извлекли сигарету из помятой пачки и чиркнули спичкой. Комната погрузилась в облако густого едкого дыма. – Писаки уже пронюхали. – Он бросил на меня быстрый взгляд. – Простите, Фелтон. Мои ребята изъяли все фотографии, но одна все же просочилась. Редактор «Блэкпул Тайм» не желает идти на уступки, к вечеру весь город будет в курсе событий, а к завтрашнему утру – весь Ланкашир! Начнется паника.

Гаррисон был искренне раздосадован, мне даже стало его жаль. Если, конечно, забыть, что он покушается на свободу слова – самое святое, что есть у каждого уважающего себя журналиста.

– Иными словами, вы просите меня о помощи? – Джулиус криво улыбнулся, сложив руки в замок под подбородком. – И у вас, верно, есть основания полагать, что в деле замешано сверхъестественное?

Инспектор нерешительно пожевал губами:

– Я полагаю, вам будет интересно взглянуть на тело.

* * *

Джулиус наотрез отказался воспользоваться служебным автомобилем Гаррисона, и мы проделали неблизкий путь до полицейского морга под отвратительным морозящим дождем – к сожалению, нередким в наших краях. Он оседал на волосах и одежде, что ничуть не прибавляло настроения. Очень скоро я промок до нитки и дрожал от холода, а вот Олдриджа погода, похоже, не смущала. В своем темно-сером плаще и фетровой шляпе он вышагивал по Променаду³ точно лондонский денди – я с легкостью представлял его в цилиндре и белых перчатках, выстукивающего тростью дробь по мостовой.

Гаррисон оказался умнее и, сославшись на простуду, уехал без нас. Жаль, что мой упрямый компаньон не желал признавать удобство нового средства передвижения, демонстрируя редкостное упрямство.

³ Променад – главная улица Блэкпула.

Дождь усиливался.

Мы наконец добрались до полицейского морга, где нам выдали белые халаты и одну пару перчаток на двоих – видимо, ждали только Джулиуса. Я не жаловался – пальцы заоченели так, что натягивать на них что-то было бы преступлением. В своей профессиональной деятельности я ни разу не сталкивался с трупами – для подобного рода материалов у нас был особый человек. Чуть более терпимым я стал после знакомства с Джулиусом, и все же вид холодного неподвижного тела, еще недавно мыслящего, живого, до сих пор нагонял на меня дрожь. К такому сложно привыкнуть, да и не хотелось. Есть вещи, от которых я бы с удовольствием держался подальше, и трупы входили в их число.

Суровый медик откинул простыню – весь неприкрытый ужас смерти открылся нашим взглядам. Было что-то унижительное, грязное в том, чтобы смотреть на мертвецов, – точно подглядываешь за ничего не подозревающим человеком. Неловко и как-то стыдно.

Джулиус без колебаний приступил к внешнему осмотру. Он так ловко и быстро обследовал каждый сантиметр тела, будто листал книгу. Я старался смотреть только на его строгий профиль, однако взгляд сам собой опускался ниже, на длинные пальцы, обтянутые тонкой резиной, и на белую твердую плоть, которой они касались. Меня резко замутило. От запаха формалина... Совершенно точно от него...

– Филипп? Филипп, вам нехорошо?

Я старательно замотал головой, рискуя расстаться с легким завтраком, впопыхах перехваченным по пути в агентство. Джулиус удовлетворенно кивнул:

– Тогда скажите, коллега, что интересного вы видите в этом трупе?

– Интересного? – ужаснулся я.

– Боюсь, я неверно выразился, – терпеливо исправился он. – Необычного. Не бойтесь, подойдите ближе.

– Ну... – неуверенно протянул я. – Он очень бледный. Но ведь покойники и должны быть такими, да? – Я сконфуженно хихикнул, чем заслужил неодобрительный взгляд лысого усатого медика.

– Не вижу ничего смешного, юноша, хотя вы правы в своем нехитром умозаключении. Между прочим, – повернулся он к Джулиусу, – я все изложил в отчете, мистер Олдридж.

– Я не читал.

Обмен колкостями притупил мое внимание – меня внезапно схватили за запястье и буквально с нечеловеческой силой притянули к столу.

– Не подведите, Филипп, – шепнул Джулиус мне на ухо и разжал пальцы.

Я склонился над телом. Вблизи кожа выглядела прозрачной, сквозь нее просвечивали голубоватые прожилки вен. Я непроизвольно сглотнул тягучую слюну, борясь с желанием отойти подальше, а лучше вообще на улицу.

– Обрати внимание на внутреннюю поверхность рук.

Ободренный подсказкой, я осторожно, воспользовавшись любезно одолженной мне перчаткой, повернул затвердевшее запястье покойника и обнаружил чуть ниже локтевого сгиба ни много ни мало следы от острых, как иглы, зубов!

– Это... это... – Голос не слушался.

– Проколы – вероятно, от шприца, – хмуро сказал доктор.

– Нет, вы не понимаете...

Горячая ладонь легла мне на плечо, голос Джулиуса, спокойный и вежливый, произнес:

– Разумеется, вы правы. Благодарим за уделенное нам время. Всего хорошего.

Мы вышли на свежий воздух, где дрожь пальцев было гораздо проще выдать за озноб. Я с трудом сунул руки в неудобные узкие карманы и спросил, даже не стараясь скрыть раздражения:

– И что теперь? Это чья-то шутка? Ваша или инспектора?

– Не горячитесь, Филипп. – Олдридж невозмутимо надвинул на лоб шляпу и сверился с карманными часами темного серебра. – До ленча пара часов, не хотите ли прогуляться?

Продолжая злиться и негодовать, я все же позволил фамильярно взять себя под локоть и увести прочь от холодного жуткого морга и его неприветливого хозяина, словно перенервничавшую девицу.

Мы шли довольно быстро для обычной прогулки, да и Променад, излюбленное место горожан и гостей города, остался далеко позади. Чем дальше мы удалялись от побережья, тем невыносимее становилось мое любопытство.

– Куда вы меня ведете?

– Веду? О, мне кажется, вы вполне в состоянии идти сами. – Джулиус сдержанно усмехнулся, стараясь, видимо, не сильно меня задеть. – Или вас все еще мутит?

– Нет! С чего вы вообще это взяли?

Однако мой праведный гнев не произвел ровным счетом никакого впечатления, и я добавил тише:

– Спасибо, со мной все хорошо.

– Иными словами, трупы вас не беспокоят? Тогда добро пожаловать в Зеленый квартал!

Зеленый, он же Ирландский, квартал представлял собой несколько коротких улиц в восточной части Блэкпула. Население, как видно из названия, составляли в основном выходцы из Ирландии и, реже, Шотландии. Добропорядочным и законопослушным гражданам не рекомендовалось гулять здесь после заката, да и днем оставался риск нарваться на неприятности. Тот факт, что неизвестный убийца выбрал именно это место для своих преступлений, не вызвал у меня удивления – впрочем, «все мы ходим под луной»⁴.

Нас встретил невыспавшийся и промокший до нитки дежурный констебль:

– Прошу за мной, господа.

Ботинки заскользили по размокшей от дождя дороге, жидкая грязь забрызгала брюки. Кроме того, в воздухе витал легкий, но от этого не менее тошнотворный запах помоев и гниющего мусора, который местные, не смущаясь, выбрасывали прямо вдоль дороги. Не особо лестное мнение об Ирландском квартале только укрепилось.

Место преступления огородили желтой лентой, но даже я понимал: дождь смыл все следы, если они вообще были. В этом смысле сырой приморский Блэкпул – раздолье для преступных элементов. По нахмуренным бровям Джулиуса я догадался, что в его голове такие же мысли. И все равно он тщательно осмотрел ничем не примечательный, кроме того, что здесь убили человека, клочок земли у покосившегося забора. Стоило слегка отвлечься, как мой неутомимый компаньон исчез.

– Вы видели, куда пошел мой друг? – обратился я к дежурному, на что тот неопределенно махнул рукой:

– Да тут и идти-то особо некуда. За забором местный паб, клуб или как он там у них, ирландцев, называется.

Я поблагодарил его и, провожаемый равнодушным взглядом, обошел ограду и оказался прямо перед входом в искомое заведение, судя по линиям безыскусной вывеске, именуемое «Веселый Патрик». Весело там точно не было, потому как, стоило скрипнуть дверью, хмурые взгляды нескольких пар глаз тут же устремились на меня. У барной стойки я узнал Джулиуса, тот беседовал с высоченным медноволосым мужчиной, в чьих грубых чертах любой без труда угадал бы разбойное прошлое.

– А, Филипп! – Олдридж обернулся и помахал рукой. – Это мой друг, Филипп Фелтон. Идите сюда, не стойте как истукан!

⁴ У. Шекспир.

Похоже, он не испытывал неловкости или напряженности, витавших в прокуренном воздухе. Я подошел, справедливо рассудив, что вдвоем у нас больше шансов выйти отсюда на своих ногах.

Боже, что за мысли!

Рыжий протянул мне жилистую руку, покрытую мелкими светлыми волосками, которую я пожал, внутренне содрогаясь. Да, я отдавал себе отчет в том, что веду себя как последняя скотина, однако никак не мог побороть предубеждение против «нищих мигрантов», въевшееся в кровь едва ли не с молоком матери.

– Полиция закрыла паб? – спросил Джулиус.

– Сегодня откроемся. Ваши ищейки ничего не найдут в моем заведении. Так я им и сказал.

– Мы не из полиции, О’Тэди. Мы просто хотим помочь и, – он доверительно наклонился вперед, – действительно *можем* помочь.

– Да валяйте. Только без толку все это.

Джулиус кивнул и повернулся к выходу. За столиком у самой двери за нами пристально наблюдал неряшливо одетый мужчина неопределенного возраста. Я случайно поймал его внимательный взгляд – он торопливо отвернулся, да так резко, что чуть не сломал шаткий стул.

Чужакам здесь не рады.

На обратном пути я едва поспевал за длинноногим Джулиусом. Погруженный в свои мысли, он совершенно забыл о моем существовании, да и всего остального мира тоже, – лишь грязь разлеталась в стороны из-под его черных щегольских туфель. Мне многое хотелось спросить, но я откровенно робел, взирая на строгую и прямую, как доска, спину компаньона, и наконец решился:

– Как мы собираемся ловить убийцу, если даже полиция ничего не может сделать? Как мы узнаем, кто он?

– Мы уже знаем.

Я так удивился, что поскользнулся и едва не сел в лужу:

– Как это знаем? – Мысли проносились в голове вихрем, только ни одна не помогла.

– Вы видите сложность не там, где она есть. – Олдридж сжалился и замедлил шаг. – Я знаю, кто убийца, но вычислить ее – дело не из легких. И не из самых безопасных.

– Ее? Подождите, вы хотите сказать, это женщина?!

– Господи, Филипп! Не пытайтесь казаться глупее, чем вы есть. Вы прекрасно меня поняли.

Тут уж и я не выдержал. Догнал его и схватил за ворот плаща:

– Нет, это вы не делайте из меня дурака! Если вы настолько гениальны, что можете раскрывать преступления до того, как их совершат, это отнюдь не означает, что для всех вокруг это столь же очевидно. Черт возьми, вы самый большой эгоист, с которым мне довелось общаться! Или выкладывайте все как есть, или не рассчитывайте на мою помощь, ни сейчас, ни когда-либо впредь. Вам ясно?

Спустя время я могу точно сказать, что это самая эмоциональная и прочувствованная речь в моей жизни и вместе с тем самая постыдная. Не стоило так распаляться, но тогда я был совершенно неспособен к разумным рассуждениям.

Джулиус не делал попыток отстраниться или урезонить меня. Как раз наоборот, заглянув в его темные глубокие глаза, я увидел там не злость или обиду, а сочувствие и тепло. Он снова сумел поставить меня в тупик.

– Прошу вас, успокойтесь, Филипп, – мягко попросил он, кладя ледяные руки поверх моих, судорожно стискивающих лацканы его мокрого плаща. – Приношу свои извинения, я забылся и позволил себе грубость. Моя кошка никогда не задавала вопросов – увы, я отвык от диалогов.

Меня снова сравнили с кошкой, и все же на душе полегчало – я выговорился и спустил пар, а Джулиус сумел воспринять это адекватно, сведя неприятную ситуацию к шутке. Не знал, что он так умеет.

– Давайте доберемся до ближайшего приличного кафе и там поговорим. – Я согласно кивнул. – Обещаю ничего не скрывать.

Время обеда – не самое удачное для уединения: в кафе не оказалось свободных мест, откровенный разговор пришлось отложить ненадолго, но и этого часа мне хватило, чтобы окончательно известись.

Мы расположились друг напротив друга – Джулиус в мягком кресле, а я на стуле. Моросящий дождик перешел в ливень, стук капель прекрасно располагал к долгим душевным беседам.

– Налить вам чаю?

– Нет, благодарю. – Он любил чай, но я не удивился отказу. Оба понимали, что напиток подождет. Я достал блокнот и ручку – с ними я чувствовал себя привычнее, как-то стабильнее. – Есть старая ирландская легенда, – начал Олдридж издали. – Забытая, покрытая пылью и мраком история. В ней рассказывается о деве волшебной красоты, голос которой вдохновлял поэтов и музыкантов. Ее звали Ланнан Ши или Ланон Ши, что означает «чудесная возлюбленная». – Он замолчал.

– Кто она такая?

– Фейри.

– Фейри? Она фея? Эльф? – Я готов был рассмеяться, но сдержался.

– Я уже сказал. Она Ланнан Ши, это не имя. Это ее природа.

Капли барабанили по стеклу, тихо жужжала лампочка под потолком, скрипел старый стул.

– Ланнан Ши дарит вдохновение в обмен на восхищение, она купается в нем, как змея в солнечном свете, но стоит признаться в любви – и ты пропал. Ланнан Ши ищет любви, но, получив, не может с ней справиться.

Я оторвался от записей и спросил:

– Поэтому найденные тела принадлежали только молодым крепким парням? Но зачем же она это делает? И как?

– Не знаю, и вряд ли знает кто-то, кроме нее самой. – Джулиус провел рукой по волосам, взлохмачивая темные волны. – Она выпивает всю кровь, до последней капли.

Повисла тягостная пауза. Я вспоминал холодный морг и мертвое тело с прозрачной кожей, а что вспоминал Джулиус... Кто знает?

– Я с вами честен, Филипп. Вы не передумали помогать?

– Конечно нет. Мы же компаньоны.

* * *

Вечер я встретил далеко от дома. Дав клятвенное обещание помогать расследованию всеми силами, я, честно признаться, не ожидал получить столь рискованное задание. «Сегодня в “Веселом Патрике” будет вечер памяти погибших ребят, – сказал Джулиус, оценивающим взглядом прожигая во мне дыру. – Не ждите слез и трагических песнопений. О’Тэди любезно предупредил, что в пабе планирует выступить местный музыкальный ансамбль, будут читать стихи и, конечно же, танцевать джигу». Однако как ни приукрашивай действительность, прежде всего меня ждет разведка, к коей мне, как известно, не привыкать.

Итак, за несколько часов до полуночи я оказался, сам тому не веря, перед дверью ирландского паба, из которого лились свет и громкая музыка. Я ожидал косых взглядов и недовольства, но все взоры были прикованы к импровизированной сцене, где пятеро разудалых

молодцов терзали инструменты и выкрикивали маловразумительные песни. Помня наставления Джулиуса, я прошел сквозь толпу до бара, вглядываясь в женские лица. Ни мой друг, ни тем более я не знали, как Ланнан Ши может выглядеть, но она, несомненно, должна быть красива, сказочно хороша. Увы, красота – понятие субъективное, и местные рыжие девицы ничуть не привлекали меня.

– Эй, парень! – проворковал над ухом низкий женский голос, не лишенный обаяния. – Не видела тебя раньше. Ты откуда?

Со мной заговорила девушка-разносчица. Первым, что я в ней отметил, были ярко-алые губы.

– Эй, чего застыл? Что пить будешь?

Опомниться не успел, как меня усадили за стол и принесли выпивку.

После третьей пинты темного пива я узнал, что милую разносчицу звали Агна и это имя ей не очень подходило⁵. Музыканты вошли во вкус, Агна вместе с подругами показывала мне, как танцуют джигу и степ. Я совсем забыл, зачем явился, но мне помог случай – впрочем, на этот счет у меня свое мнение.

– Эй ты. Да, да, именно ты, – ко мне приближались, протискиваясь сквозь веселящуюся толпу, двое мужчин с угрожающими лицами. – Не лезь к моей подруге, если жизнь дорога.

Я оглянулся и заметил, как побледнела красавица Агна. До хмельного сознания начала медленно доходить вся опасность ситуации. Мне прежде не доводилось оказываться в подобных ситуациях, однако несложно догадаться: лучший способ урегулировать конфликт – извиниться и отступить.

– Парни, я только...

Тяжелый кулак профессионального бойца заехал мне в нос – оправдываться сразу расхотелось. Несколько уроков бокса, полученных в университетской секции, помогли продержаться пару минут, а дальше разъяренная толпа, где все знали друг друга и жаждали помочь, вынесла меня на улицу. Хвала небесам, перед дракой я много выпил: боль чувствовалась слабо – алкоголь с легкостью притуплял ее. И с той же легкостью туманил рассудок. В какой-то момент мне привиделось прекрасное лицо, склонившееся надо мной. Золотистые локоны щекотали шею. Прекрасная фея коснулась моего лба прохладной рукой.

Очнулся я утром. В грязной луже и с перебитым носом. И уже вскоре был задержан за нарушение общественного порядка, как бы ни старался объяснить ситуацию.

* * *

– Могу вас поздравить, – сказал Джулиус, когда увидел меня в компании сержанта полиции, выводившего меня из камеры. – Избили вас умело, все кости целы, скоро будете как новенький.

– Джулиус! – обрадовался я, но быстро приуныл. – Я провалил задание...

– О, дорогой, – протянул он с улыбкой. – Вы только подтвердили мои подозрения. Благодарю вас, сержант, передавайте наилучшие пожелания инспектору Гаррисону.

Мы вернулись в агентство, где Олдридж вновь поразил меня, занявшись моими ссадинами и синяками. С проворством опытной санитарки он наложил стерильные повязки и налил горячего чая, что, по его мнению, заменяло все лекарства мира.

– Простите, – я все не мог смириться с поражением. Такого позора я не переживал никогда. – Я вас подвел.

– Ну в самом деле, хватит уже. Неужели вы всерьез решили, что я ожидал, будто вы притащите мне Ланнан Ши в кармане?

⁵ Агна – целомудренная, святая (*ирл.*).

– То есть все зря? – Я едва не потерял дар речи. – Я рисковал собой просто так?

Джулиус пригубил из своей чашки, молочно-белой со сложным черным рисунком-вязью, и только после этого ответил в привычной манере:

– Вы ее видели?

– Я... я не знаю. Возможно. – И я рассказал о девушке из своего пьяного полусна-полуяви.

Он выслушал более чем внимательно и сообщил, совершенно спокойно, что этим же вечером лично навестит паб «Веселый Патрик». Мне стоило его отговорить, однако время шло, а расследование не двигалось с места. Приняв мое молчание за одобрение, Джулиус поднялся с кресла, со скрипом потянулся и, пожелав мне доброго дня, покинул офис. Я оказался предоставлен самому себе, снова.

Часы до вечера тянулись, точно резиновые. Я успел поужинать, трижды попить чай и даже один раз неплохо вздремнуть, прежде чем на огонек заглянул Джулиус и тут же ушел, на сей раз напрямиком в Зеленый квартал.

Я ждал его до самого утра, не смыкая глаз, чашку за чашкой вливая в себя обжигающе горячий кофе. Мне было страшно за компаньона, представить его участвующим в уличной потасовке просто не представлялось возможным! Где-то глубоко мерзкий голосок твердил: «Он бы не стал так за тебя переживать», но ведь я – не он. Я – это я, и потому, отправив грязные чашки обратно в белый раритетный буфет, быстро собрался и побежал в полицейский участок.

Детектив-инспектор Гаррисон отнесся к моим словам со всей серьезностью – впрочем, за пышными моржовыми усами сложно угадать его настрой. Мужчина выпустил мне в лицо целое облако едкого дыма и только после этого заговорил:

– Послушайте моего совета, Фелтон, не принимайте все так близко к сердцу. Вы переживаете не за того, кому это нужно. Переживайте-ка лучше за себя, а старый лис Джулиус справится, ему не впервой. Знаете ли вы, почему он вообще занимается всей этой, ммм... чертовщиной? А?

Интересный вопрос, я никогда им не задавался. Куда девалось мое профессиональное любопытство? В предвкушении тайны я подался вперед, сам не замечая, что копирую *его* движения:

– Так почему же?

– Когда-то он сказал мне, что...

– Прошу прощения, сэр! – в кабинет без стука ворвался сержант Оливер, а следом, не дождавшись разрешения, вошел Джулиус собственной персоной. Момент упущен, однако то, что товарищ вернулся цел и невредим, немного утешало.

– Это Грегори Хиггинс!

Инспектор бросил окурков в пепельницу, полную пепла до краев:

– Что – Грегори Хиггинс?

– Он укрывает Ланнан Ши! Собирайся, нам нужно срочно его навестить!

– погоди, Джулиус, остынь. – Гаррисон сделал знак сержанту, тот вышел, плотно прикрыв дверь. – Я слышал эту историю от Фелтона, но мало что понял. Кто такая Ланнан Ши?

Горящий взгляд Олдриджа наконец остановился на мне.

– Доброе утро, – поприветствовал он, словно и не пропадал где-то всю ночь. – Не ожидал вас здесь встретить. Что-то произошло?

Боже, да он, кажется, пьян! Иначе как объяснить эту несвойственную ему оживленность и лихорадочный блеск в глазах?

– Вас не было всю ночь, что оставалось делать?

Джулиус взмахнул рукой и едва не повалился на пол:

– Это все ерунда! Вставайте, вставайте, мы опаздываем на встречу с молодым перспективным поэтом нового века, мистером Грегори Хиггинсом.

Тот жил на самой длинной из трех улиц Ирландского квартала, и по пути я вспомнил, что читал про него в газете. Не так давно никто и имени его не знал, как вдруг, словно гром среди ясного неба, – признание и почетное членство в городской ассоциации поэтов. Иначе чем чудом это и не назовешь.

Джулиус едва перебирал ногами, я смог убедить его отложить встречу хотя бы на час. Когда мы прибыли в мою квартиру – она была ближе всего к участку, – он уснул на жестком диване, уткнувшись лицом в подушку, и к стыду своему я вдруг понял, что не опьянение столь дурно повлияло на его поведение, а здоровая шишка на затылке. Всколоченные завитки волос слиплись от крови. Похоже на удар чем-то тяжелым сзади, со спины. Интересно послушать историю его ночных приключений.

Перспективный поэт нового века встретил гостей холодно, даже не пригласил войти. Мне его поведение показалось излишне нервным, дерганным, да и сам он, высокий и нескладный, походил скорее на бунтующего подростка, чем на молодое дарование.

– Я занят. Зайдите завтра.

Однако Джулиус, восстановив силы, не собирался сдаваться так просто:

– Мы ненадолго, мистер Хиггинс. Вы живете один?

Бестактный вопрос застал поэта врасплох, Джулиус проскользнул в прихожую и похозяйски огляделся. На мгновение в дверном проеме мелькнуло хорошенькое личико и исчезло.

– Что вы себе позволяете?! – взвизгнул Хиггинс, его вытянутое прыщавое лицо исказилось рассерженной гримасой. – Пошли вон, оба, не то вызову полицию!

Одним словом, Грегори Хиггинс мне не понравился.

– Ланнан Ши у него, – сказал Олдридж, когда мы отошли от негостеприимного дома подальше. – Видимо, он пишет хорошие стихи, раз она так к нему привязалась. Помнишь, она ведь дарит вдохновение.

Джулиус поймал за рукав пробежавшего мимо мальчишку, взял у меня блокнот и, черкнув пару слов, вырвал страничку и вручил мальчонке:

– Передашь красивой леди, что живет в доме мистера Хиггинса. Понял меня?

Получив два шиллинга и легкий подзатыльник, юный посыльный убежал исполнять поручение.

Все готово к финальному акту.

Вечер понедельника мы встретили во всеоружии, и это не просто фигура речи – Джулиус достал из сейфа револьвер. Таких старых моделей мне еще не доводилось держать в руках.

– Возьмите, он заряжен серебром, на случай, если что-то пойдет не так. Цельтесь не в грудь, Ланнан Ши нужна нам живой. Стрелять вы, надеюсь, умеете?

Я с трепетом принял оружие и покачал головой. Я кое-что смыслил в стрельбе, но сам никогда этим не занимался.

– Тогда отдадите его сержанту Оливеру, он парень толковый. Они с Гаррисоном будут в укрытии неподалеку, и вы с ними.

В записке Джулиус назначил свидание девушке, которую считал фейри. Несмотря на то, как глупо это звучало в принципе, к плану операции мы подошли основательно.

Проверяя готовность перед выходом из агентства, я провел пальцами по гладкой рукоятке револьвера и обнаружил подозрительные насечки, больше всего напоминающие попытку скрыть именную чеканку. Об этом тоже стоило подумать, но позже, когда поставим точку в деле об убийствах в Ирландском квартале.

Она появилась внезапно. Пустынный переулок, глухие заборы по обеим сторонам, совсем рядом с местом последнего убийства, вечерний туман только-только начал выпускать свои дымчатые щупальца. И вот она уже здесь, стоит, переминаясь с ноги на ногу, прекрасная и волшебная, как в моем видении. Тяжелые золотые локоны струились по спине и плечам, нежные

белые пальчики смущенно мяли ткань национального платья цвета июльской листвы, однако более всего выделялись губы – ярко-алые, манящие. Из укрытия я видел, как Джулиус поспешил ей навстречу со скромным букетом в руках. Никто, кроме него, не знал всех деталей плана – пока происходящее напоминало банальное свидание. Ветерок донес до нас приглушенные голоса.

– Зачем ты звал меня? Грегори очень рассердится, если узнает, – прозвучал чудный голосок. Ей ответил глубокий уверенный голос:

– Чтобы увидеть тебя.

Она рассмеялась, словно зажурчал горный ручей:

– Что же во мне такого?

– Ты прекрасна.

Лицо красавицы изменилось, прозрачно-голубые глаза заблестели в предвкушении.

– Я тебе нравлюсь?

В тот момент я страстно захотел, чтобы Джулиус промолчал. Пусть план катится к чертям, он не должен отвечать!

– Я...

– Значит, так ты со мной?!

Прямо мимо нашего укрытия пронесся разгневанный мужчина, в котором пусть не сразу, но узнавался обманутый поэт Грегори Хиггинс.

– Чертово отродье! Разве я не дарил тебе подарки, не писал для тебя стихи? Ты ведь хотела стихов, а? О любви! – кричал он, брызгая слюной.

– О любви? – Ланнан Ши, в чем теперь я не сомневался, неуверенно отошла от Джулиуса и протянула тонкие руки к Хиггинсу. – Ты любишь меня, Грегори?

Напряженная борьба отразилась на некрасивом лице поэта. Он знал, что нельзя отвечать. Ланнан Ши ждала. Я незаметно всунул револьвер в руку сержанта Оливера. Сердце предчувствовало беду.

– Ланнан Ши, – позвал Джулиус. Она резко обернулась. – Ты хочешь любви, я знаю. Он не сможет тебе ее дать. Он просто человек.

– Заткнись!

– Слушай меня, я дам ее тебе. Много, очень много любви.

Несчастное создание разрывалось на части. Я не понимал, чего Джулиус добивается, как вдруг Грегори выкрикнул: «Я люблю тебя!» – и феири, издав отчаянный вопль, обнажила острые клыки и бросилась на возлюбленного. Оливер вскочил на ноги и выстрелил. Кто-то вскрикнул от боли. Инспектор подтолкнул меня в спину, и мы покинули укрытие.

Земля была залита темной кровью, такой темной, что казалась почти черной. На ней лежала девушка, нет – Ланнан Ши, со столовым ножом в груди, рукоятка отливала серебром. Рядом на коленях стоял Грегори и рыдал безутешно, как ребенок.

– Она была моей, – причитал он, покачиваясь на месте. – Только моей, она меня любила... Только меня... Моя фея...

Сержант Оливер занялся Хиггинсом, инспектор отправился за помощью, чтобы перенести раненую в машину, а я подошел к Джулиусу. Тот зажимал плечо рукой.

– Господи, вас ранили! Дайте взглянуть.

– Нет! Не прикасайтесь! – внезапно рывкнул тот, отстраняясь. В темно-карих глазах плескалось безумие. Он оттолкнул меня здоровой рукой и скрылся так быстро, точно за ним гнались все демоны ада.

– Не переживайте, – подошел инспектор, попыхивая новой сигаретой. – Он расстроен и устал, позже образумится и извинится.

– Стали адвокатом? – огрызнулся я и случайно бросил взгляд на Ланнан Ши. – Смотрите!

Хрупкое, будто невесомое тело стремительно светлело, пока вдруг не вспыхнуло бесцветным пламенем и не исчезло у нас на глазах. Сержант Оливер беспомощно развел руками, но сказать ничего не смог. Я устало потер виски и отвернулся. Дальше Гаррисон справится сам.

* * *

– Печальная вышла история, да? – Джулиус встретил меня на пороге с чашкой чая в левой руке. – Вы ведь не сердитесь, Филипп?

Он выглядел обеспокоенным и каким-то помятым. Глаза тусклые, под ними залегли усталые круги, а волосы, обычно тщательно напояженные и уложенные, забавно топорщились. Я прошел мимо и практически упал в кресло:

– Налейте мне тоже. Нет, стойте. На верхней полке был коньяк, что принесла наша соседка, миссис Оуэн, на прошлой неделе.

– Миссис Оушен, – машинально поправил Олдридж, но коньяк достал и разлил по чашкам. Чайным.

Мы выпили и немного помолчали.

– Хиггинса отпустят. Его не за что держать под замком. Убийца так и останется ненайденным.

Я не видел Джулиуса, но чувствовал его присутствие где-то за спиной. Он тихо ответил:

– Зато никто больше не умрет.

Был один вопрос, что терзал меня весь день:

– Ланнан Ши нападала только на ирландцев. На что же вы рассчитывали, назначая ей встречу?

– Вы правы, Филипп. Помните, я упоминал деда, служившего в Королевском Ирландском полку? Мою бабушку он нашел именно там.

Не ожидая честного ответа, я поспешил воспользоваться моментом откровенности:

– Почему вы не хотели, чтобы в Ланнан Ши стреляли? Ведь она убийца.

– А вы как думаете? Смерть за смерть – дурная справедливость. Человеческая. А Ланнан Ши человеком не была, в ее мире свои правила. Достаточно было просто ее остановить.

Я вспомнил рыдающего Хиггинса и открыл рот, но Джулиус опередил:

– Видимо, не зря бедняжке не дано познать любовь – это чувство ее убило.

Я повернулся так, чтобы видеть собеседника. Джулиус сидел верхом на стуле, положив голову на руки. Казалось, он вот-вот заснет.

– Раз уж мы заговорили так открыто, скажите, почему вы не спали прошлой ночью?

– Это же совершенно ясно. – Я не понимал, почему подобные вещи никак не укладываются в его странной голове. – Я беспокоился о вас.

– Обо мне? Вы ждали? – Столько удивления было в его голосе.

– Именно, – я улыбнулся и взял со стола вечернюю газету. – И прекрати уже мне «выкать», чувствую себя словно в третьесортном викторианском романе.

Оставив Джулиуса свыкаться с новым положением дел, я раскрыл газету и не заметил, как уснул.

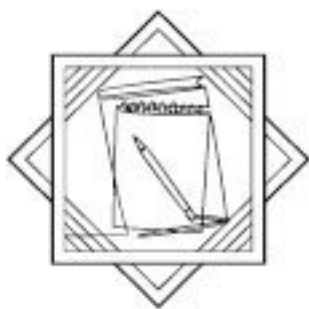
Сквозь полудрему просачивался тихий-тихий голос, декламирующий стихи. Последние стихи несчастного Грегори Хиггинса.

Дай мне воды колодезной,
Жар утолить в груди.
Нет мне ни сна, ни радости —
Грустный, сижу один.
Только тобой, любимая,

Брежу в ночной тиши.
Сердце мое похитила
Дева из рода Ши...

Дело № 4. Пустая могила

Иногда мне казалось, что Джулиус просто не умеет развлекаться.

День изо дня, включая выходные, он сидел в своем кресле и читал газеты, одну за одной, изредка отвлекаясь на чай. Я успел забыть, когда он в последний раз оживлялся. Похоже, предпраздничная суета на улицах ничуть его не трогала.

– Какие планы на вторник?

Джулиус взглянул на меня из-за вечернего выпуска «Блэкпул Тайм», донельзя удивленный:

– Вторник? О чем ты?

Я был прав, полагая, что всеобщее оживление последних дней прошло мимо моего толстокожего компаньона.

– О Хэллоуине. Семейство Данвортов дает званый ужин для всех желающих. Будут угощение, дорогая выпивка, музыка и дамы.

Однако ни один из предложенных вариантов не возымел нужного эффекта.

– Если ты говоришь о Самайне, кельтском языческом праздновании начала зимы, то музыка и дамы вряд ли будут подходящим антуражем.

По мне, так приятная компания и вкусная еда вполне способствовали созданию праздничного настроения, но спорить с Олдриджем рискнул бы разве что глупец или безумец. Ни под одно из определений я, смею надеяться, не подходил и потому предпочел бессмысленной дискуссии на тему истоков народных традиций обед у Гаррисона и его чудесной супруги Оливии.

Миссис Гаррисон я повстречал в обширном палисаднике, где она выращивала диковинные цветы, независимо от времени года. Сейчас эта деятельная дама самозабвенно трудилась над сложной конструкцией из хризантем и сухоцвета, а на пороге дома высилась гора из спелых оранжевых тыкв.

– Добрый день, мистер Фелтон! Опять одни?

Неоднократно миссис Гаррисон предпринимала безуспешные попытки заманить к себе Джулиуса и как следует накормить. Возможно, именно перспектива умереть от переедания останавливала его от более близкого знакомства со столь добросердечной госпожой.

Инспектор, в служебной деятельности кажущийся грубым и примитивным, умел быть хорошим хозяином, приятным собеседником и, что особенно ценно в наш безумный двадцатый век, превосходным слушателем.

Посетовав на чрезмерную пассивность компаньона, я получил в ответ загадочную улыбку из-под густых усов:

– Скоро привыкнете, Фелтон. Джулиус не из тех, кто легко меняет привычки.

– То есть предлагаете мне поменять свои?

Инспектор переглянулся с супругой. Я догадался, что эти двое о чем-то сговорились, и неизвестно еще, кто из них был инициатором.

– Мы с Олли подумали... – Оливия Гаррисон мило опустила глаза. – Да пусть лучше она сама расскажет.

* * *

Октябрь выдался на удивление тихим. Призраки, вампиры и феи точно специально затаились перед грядущим Днем Всех Святых. У агентства не было работы, что самым прискорбным образом сказывалось на характере Джулиуса. Мой компаньон стал пить меньше чая, перечитывать одни и те же газеты по несколько раз, в том числе ненавистный «Блэкпул Тайм», и почти не разговаривал. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не спасительный звонок из полицейского участка. Мы немедленно отправились к детективу-инспектору, встретившему нас в кабинете хмурым взглядом и густой пеленой отвратительно пахнущего сигаретного дыма.

– Присаживайтесь, джентльмены.

– Ближе к делу, пожалуйста, – нетерпеливо оборвал его Джулиус, всем своим видом напоминая натянутую тетиву. Гаррисон пожал могучими плечами и подтолкнул к нам тонкую папку с фотоснимками и несколькими исписанными листами.

– Что это? – я взял в руки один из снимков с изображением разрытой могилы.

– Официальная версия – мародерство и вандализм. Возможно, сектантство. Вы же знаете современную молодежь. С жиру бесятся.

Джулиус отложил папку и скрестил руки на груди, демонстрируя безразличие:

– И почему это должно меня заинтересовать?

– Вероятно потому, что тела исчезли, а гробы выглядели так, будто их взорвали изнутри.

Гаррисон говорил так убедительно, что в голове моментально возникли образы восставших мертвецов, наподобие египетских мумий, что мне довелось увидеть в Эдинбургском музее. Однако Джулиус не выглядел впечатленным:

– Вы уверены, что это не чей-то глупый розыгрыш? Мне снимки кажутся весьма сомнительным доказательством.

У меня не было по этому поводу четкого мнения, поскольку до сего момента я не имел счастья лицезреть выпотрошенную могилу, хотя за подлинность фотоснимков мог ручаться – фотоаппараты и все, что с ними связано, было моим хобби с юношеских лет.

– Так вы взглянете на место происшествия или нет? – прямо спросил инспектор. Я задержал дыхание – коллега меня не разочаровал.

– Надеюсь, все осталось в первозданном виде и ваши brave констебли не затоптали округу.

Мне не стоило особых усилий уговорить Джулиуса взять меня с собой на ночную вылазку, и так совпало, что устроили мы ее именно во вторник. Перед выходом из агентства план едва не рухнул, стоило Олдриджу ненароком взглянуть на календарь. Моего красноречия с трудом хватило убедить его, что я не боюсь ни привидений, ни ведьм, ни кого бы то ни было еще и вообще не придаю значения слухам вокруг хэллоуинской ночи. Вряд ли он поверил, однако позволил себя сопровождать, чему я несказанно обрадовался.

Путь наш лежал на одно из двух городских кладбищ, а именно на Старое, некоторые захоронения которого датировались ни много ни мало семнадцатым веком! Мне случалось бывать здесь днем, писать репортаж о почетных гражданах города, упокоившихся в этой земле. Сейчас все было иначе.

Ночью опустился туман, не слишком густой, чтобы заблудиться, хотя достаточный, чтобы чувствовать себя неуверенно, и окружающий нас скорбный пейзаж скрылся в мутной клубящейся пелене. Классики романтизма не зря столько внимания в своих произведениях уделяли старым погостам. Уж поверьте, окутанное туманом, запущенное ночное кладбище производило сильное впечатление. Богатая фантазия в таком месте и в такой час могла сыграть весьма дурную шутку. Стоило ослабить бдительность и поддаться чувствам, как покосившийся крест с обрывками траурного венка уже казался сгорбившимся призраком, а низко пролетевшая ворона – летучей мышью-вампиром. Определенно, мы избрали не самое подходящее время для прогулок.

Джулиус шел впереди, его фонарь напрасно силился рассеять белесую муть, туман с легкостью поглощал слабый электрический луч. Мы двигались практически наугад.

– Джулиус!..

– Тише, – зашипел он, резко оборачиваясь. – Забыл, зачем пришли?

– Не забыл, – обиделся я. – Но я что-то видел. Там, – я неуверенно указал направо.

Круглый диск луны, словно в насмешку, скрылся за облаком, однако я без сомнений увидел нечто в тумане – быть может, человека.

Всмотревшись в указанном направлении, Джулиус тоже заметил что-то и сорвался с места, я побежал за ним. Остановившись у крыльца заброшенного коттеджа, я едва смог отдышаться, легкие жгло огнем от холодного воздуха – спортсменом я был никуда не годным:

– Бога ради, Джулиус... Куда ты так... рванул? Уф!..

Компаньон не ответил, вместо этого он взбежал по кривым ступенькам и внимательно осмотрел ржавый навесной замок – впрочем, тот был не заперт, дверь легко поддавалась легкому нажатию.

– Здесь недавно кто-то был. – Джулиус нагнулся и придирчиво осмотрел доски. – Грязь, совсем немного; наверное, отвалилась от ботинок. Идем, Филипп.

Я послушно зашел в дом вслед за ним, в нос тут же ударил тяжелый застоявшийся воздух давно необитаемого жилища. Двухэтажный коттедж, обитый листами фанеры с остатками серо-зеленой краски, недорогая простая конструкция, что называется, без изысков, окна заколочены, а кое-где и вовсе замурованы. Вероятно, раньше дом принадлежал кладбищенскому

смотрителю и его семье, но после упразднения должности жилье пришло в упадок. Никто не желал селиться напротив кладбища.

Джулиус был убежден, что неизвестный скрылся внутри, и мы двигались в темноте со всей возможной осторожностью, однако половицы разошлись и громко скрипели.

– Наверх? – тихо предложил я, уловив еле слышимый шорох на втором этаже. Мы поспешили подняться и были вознаграждены за смелость узкой полоской света, сочащегося из-под двери в конце коридора. Как правило, Олдридж не носил с собой оружия, и на сей раз не изменил себе. На счет «три» он распахнул дверь и...

– Счастливого Хэллоуина!

Нас встретили знакомые и малознакомые улыбающиеся лица, среди которых выделялись детектив-инспектор Гаррисон и сержант Оливер, хорошо показавший себя в деле о Ланнан Ши. Лицо самого Джулиуса в тот момент надо было видеть, словами не опишешь. Скажу только, что глаза потемнели почти до черноты, а скулы, напротив, сильно побелели. Он издал странный клокочущий звук, идентифицированный мною как проглоченное ругательство, и обратился ко мне:

– Ты знал?

Произнесено это было таким бесцветным и невыразительным тоном, что мне моментально сделалось стыдно за столь глупый розыгрыш.

– Да...

– И намеренно подыгрывал, чтобы завлечь в... сюда?

Готов поклясться, у него едва не вырвалось «в ловушку»! Вот уж не думал, что Джулиус настолько сильно не любит праздники. Я хотел извиниться, но не успел. Гости окружили нас и увлекли к столу, уставленному угощениями.

В тесной, хотя и весьма уютной по сравнению с остальным домом комнате собрались работники полицейского управления, некоторые пришли с женами и подругами. Признаться, я не ожидал увидеть более пяти или шести человек, включая нас, однако насчитал в два раза больше. Дамы постарались от души, придав помещению жилой и праздничный вид. Только Джулиус был мрачнее тучи, сторонился меня и не вступал ни с кем в разговоры. В какой-то момент он и вовсе покинул шумное общество. Подобная реакция на безобидную шутку немало огорчала, ведь в ней решительно не было ничего ужасного. Тем не менее совесть заставила меня также покинуть теплую компанию и горячий пунш и вслед за компаньоном выйти на улицу.

Туман по-прежнему окутывал расстилавшееся за забором кладбище плотным одеялом, стелясь по земле. Я с ужасом представил, как в одиночку отправлюсь по узким тропинкам между надгробиями. Мутное желтое бельмо луны нагоняло тоску, но и стоять у крыльца, все больше замерзая, не имело смысла. Джулиус, вероятно, не успел уйти далеко, стоило просто его позвать.

– Джулиус! – Я скрепя сердце вышел за забор. – Где ты?

Голос тонул в тумане, как в трясине, и сам я все больше убеждался, что поступил глупо, покинув дом, ибо тот скрылся с глаз, словно и не существовал вовсе. Колдовская ночь окутала меня со всех сторон. По коже пробежал озноб.

– Джулиус! – повторил я и вдруг услышал ярдах в трех впереди жуткий скрежет. Тут же кто-то едва не сбил меня с ног.

– Скорее! Давай же, Филипп! – рявкнул над ухом Олдридж, увлекая за собой. Вцепившись одной рукой в край его пальто, я подчинился приказу. Бежали мы недолго – туман слегка разошелся, взглядам нашим предстало весьма непривлекательное зрелище. Под носом у веселящихся полицейских некто вновь совершил акт вопиющего вандализма!

– Выглядит точно так же, как на фотографиях. – Джулиус невозмутимо присел на корточки и поворошил землю пальцами в неизменных перчатках. Я замер в нерешительности.

– Но эти снимки...

– Земля определенно была разбросана усилием, направленным изнутри.

– Джулиус, эти снимки, они...

– Я почти поверил, что это действительно розыгрыш.

– Это и есть розыгрыш! – взорвался я. – Инспектор показал тебе снимки двухлетней давности, к тому же сделанные в Сассексе.

Олдридж поднялся, отряхнул брюки и, не поворачиваясь, ядовито осведомился:

– Полагаю, эту могилу наш глубокоуважаемый инспектор разрыл сам, специально ради меня сбежав с праздника? Можешь не отвечать, у тебя и без того глупый вид.

Он скинул пальто и спрыгнул в яму, откуда донесся его воодушевленный голос:

– Глубокая! Гроб точно взорвали изнутри – все как описывал Гаррисон.

Я поежился, вообразив, что где-то рядом по кладбищу разгуливает настоящий мертвец, а не выдуманный нами, и постарался сразу же отогнать панические мысли.

Неожиданно на плечо мне легла тяжелая рука. С позорным воплем я круто развернулся и, зажмурив глаза, от души врезал «монстру» кулаком. Что-то отвратительно хрустнуло и выругалось с шотландским акцентом сержанта Оливера. Голова закружилась, я поспешно сел прямо на пальто Джулиуса и дальнейшее помню смутно. В себя я окончательно пришел только в своей квартире после трех чашек крепчайшего кофе.

Как оказалось, обеспокоенный нашим долгим отсутствием, инспектор Гаррисон послал Оливера на поиски, а я, доведенный до крайней степени испуга, принял бедного сержанта за оживший труп. Кроме того, из памяти начисто выпал неприятный эпизод со скандалом, учиненным Джулиусом в разгар торжества, с моим, к слову, безмолвным участием. Олдридж требовал немедленно устроить облаву и задержать преступника, однако Гаррисон настоял на том, чтобы отложить оперативные мероприятия до утра, чему поспособствовали плотный туман и, в немаловажной степени, легкое опьянение, в коем пребывали доблестные стражи. Именно поэтому только я поставил чашку, как в дверь нетерпеливо постучали.

– Девятый час, Филипп, – посетовал Джулиус. Я позавидовал его чрезвычайно бодрому виду. – Горазд же ты спать. Собирайся, инспектор ждет нас на месте.

Что это было за место, можно не спрашивать.

* * *

– Доброе утро, сэр, – поприветствовал Джулиуса сержант Оливер, щеголяющий пластырем на переносице и багровыми синяками под глазами. Мне было стыдно даже смотреть в его сторону, и я нисколько не обиделся на то, что он не протянул мне руки, как обычно. Без промедлений мы втроем направились к одиноко стоявшему сараю, скрытому в зарослях вишарника позади коттеджа. Уверен, пройди я мимо ночью, ни за что бы не разглядел.

Внутри ожидал инспектор Гаррисон и, кроме него, кое-что весьма интересное.

– Что скажешь, Джулиус? – инспектор обвел руками импровизированный алтарь, на котором в беспорядке нагромождены были самые неожиданные предметы – от медного кубка до сухой кроличьей лапки. – Черная месса или как там это у вас называется.

– Что это? – вырвалось у меня при взгляде на белый, словно отполированный временем человеческий череп на черном сукне. – Он настоящий?

Олдридж, пропустив выпад инспектора в свой адрес, невозмутимо бросил:

– Можешь потрогать.

В моей иерархии неприятных вещей человеческий череп не так далеко ушел от мертвеца, потому я осторожно, чтобы не вызвать подозрений, отошел от алтаря.

– Подделка. – Джулиус поднял кубок и принялся к содержимому: – Кровь свиная. Кто-то не пожалел ни времени, ни реквизита из местного театра, чтобы устроить нам теплый прием.

Однако Гаррисон придерживался иного мнения:

– Наш эксперт снял отпечатки, к вечеру узнаем имя этого... – он замялся, сдерживая рвущиеся на язык резкости, – хулигана. Будет знать, как насмехаться над предками.

– Подделка. Вульгарная, дешевая подделка, – упрямо повторил мой компаньон, поворачиваясь к выходу. Отчего-то я сразу поверил. – Филипп, мы уходим, надо как можно скорее найти настоящего кукловода.

Меня жутко интересовало, с чего он пришел к таким выводам и как на запах определил, кому принадлежала кровь в кубке, но Джулиус не был расположен к диалогу. Лишь когда за нами закрылась дверь агентства, он разразился гневной речью, смысл которой сводился к одной фразе: Гаррисон еще пожалеет, что не прислушался к его словам.

– Чай будешь? – завершил он эмоциональный монолог. Я кивнул.

На Джулиуса, я давно заметил, этот напиток действовал, как мятные капли на истеричную гимназистку. Одной чашки обычно хватало, чтобы вернуть ему спокойствие и равнодушный вид дремлющей рептилии, однако, судя по всему, на сей раз одной не отделаться. К слову, подобные перепады настроения очень меня беспокоили, как и недавнее ранение, о котором Олдридж предпочитал молчать, игнорируя помощь как мою, так и врачей. Пару раз я находил в туалетной комнате окровавленные бинты. Я не медик, но рана заживала чрезвычайно медленно – впрочем, Джулиус не сильно берег себя и, видимо, старался лишний раз не показывать слабость.

Я пригубил обжигающе горячего чая и попытался внушить себе, что все в порядке и ничего странного не происходит, благо вовремя появилась новая клиентка – хлопотливая пожилая леди, насквозь пропахшая кошками. Она была убеждена, что на чердаке поселилось привидение, да и «кошечки ведут себя беспокойно, бедняжки». Мы заверили мисс Финч, что непременно поможем, и отправили восвояси. Этим же вечером Джулиус после продолжительного молчания выдал план действий, немало меня удививший.

– Мы не можем позволить невиновному сесть за решетку, – торжественно заявил он. – Собирайся, Филипп, ты идешь к мисс Финч и ее привидению.

– Я?

– Абсолютно верно, схватываешь на полуслове. – В лицо мне полетело мое же клетчатое кепи. – Но перед уходом напиши список гостей.

– Бог мой! Каких еще гостей?

Джулиус картинно схватился за голову:

– Филипп! Тех, кто был приглашен на хэллоуинский ужин, конечно.

С этими словами Олдридж накинул пальто, нацепил шляпу и стремительно вышел за дверь. Я не знал, куда он направился, но совершенно точно знал, что не люблю кошек.

Как и следовало ожидать, проказливым призраком на чердаке оказался приبلудный рыжий котенок, устроивший себе уютное гнездышко в куче старого тряпья, коим чердак был забит до отказа. Стрелки часов перевалили за полночь, и я, заручившись разрешением хозяйки воспользоваться ее телефоном, попросил телефонистку соединить меня с офисом нашего агентства. Джулиус не отвечал, из чего я первоначально сделал вывод, что тот давно мирно спит в своей квартире на Санрайз-авеню. Но отчего-то в двух кварталах от дома мисс Финч сомнения одолели меня, и я свернул на Мэритайм-стрит.

На столике в приемной лежала записка, согласно которой рано утром мне следовало навестить инспектора Гаррисона и передать ему конверт, обнаруженный тут же, рядом. Смирившись с участью мальчика на побегушках, что, впрочем, уже выгодным образом отличалось от роли говорящей кошки, я устроился спать на диванчике, чтобы посреди ночи не идти домой через весь город. Несмотря на неудобное положение и свисающие через подлокотник ноги, я прекрасно отдохнул, однако звонок телефона прервал мой сон.

– Инспектор еще не получил конверт, – констатировали на другом конце провода, и я не сразу, спасибо раннему подъему, узнал голос компаньона.

– Где ты был вчера вечером?

– Допрос сейчас неуместен.

– Где ты был, черт возьми?! – зло рявкнул я в трубку и больше испугался сам, чем напугал собеседника, о чем свидетельствовал звук, смутно похожий на деликатный смешок.

– Конверт, Филипп.

Гудки возвестили об окончании разговора, и я, взбешенный откровенным пренебрежением к своей персоне, назвал всем и вся вскрыл конверт и извлек лист бумаги, где с удивлением обнаружил одну-единственную фразу:

«План Б».

И постскриптум:

«Доброе утро, Филипп».

Краска стыда залила лицо – к счастью, рядом никого не было, чтобы посмеяться над моим очередным поражением. Скрыв следы «преступления», я сунул конверт в карман и вышел под хмурый ноябрьский дождь.

В полицейском управлении меня ждал сюрприз, и весьма, не стану скрывать, неприятный. В кабинете инспектора вольготно расположился виновник моего беспокойства, уставший и бледный, но, похоже, вполне довольный собой.

– О, Филипп, друг мой! Я специально ждал тебя, чтобы вместе побеседовать с нашим вандалом. Естественно, я уверен в его невиновности, но Гаррисон требует доказательств, как ты понимаешь.

Бесполезный конверт с не менее бесполезной запиской ожег меня даже сквозь плотную ткань куртки. Гнев и бессилие перед железной стеной, коей Олдридж себя огородил, лишали последних сил. Словно ощущая мою злость, он приобнял меня за плечи и вывел в коридор:

– Я понимаю твое... раздражение, Филипп, но разгадка совсем близка, с твоей помощью виновник непременно будет наказан. Мне нужен именно такой человек, как ты, понимаешь?

Как и всегда, перед столь неприкрытой лестью я устоять не мог. Знал, что он манипулирует, тонко играет на моих слабостях, и все равно не мог. Проклиная себя и Джулиуса заодно, я спустился вслед за ним в отделение, где держали арестованных.

Человек, чьи отпечатки нашли в том злополучном сарае, выглядел ничем не примечательно: обычная внешность, русые волосы, тусклый взгляд, вялый скошенный подбородок и грубые беспокойные пальцы работаги.

– Как тебя зовут?

Мужчина посмотрел на Джулиуса и медленно, как бы через силу, выговорил:

– Соломон Дерришшш... – Последний звук он почти прошипел. Я хмыкнул, а охранник, сопровождавший нас, выразительно покрутил пальцем у виска. Джулиус смело вошел в камеру и зачем-то провел раскрытой ладонью перед лицом Дерриша, потом щелкнул того по лбу. Соломон вскрикнул и упал навзничь.

– Спокойствие, джентльмены, – Джулиус остановил нас жестом. – Я лишь нарушил гипнотическое воздействие, которому подвергли этого человека. Бедняга проспит не меньше двенадцати часов, а после можно еще раз допросить. Уверен, ему есть что сказать.

На обратном пути из управления мы зашли в кафе «Чайная роза» и, подкрепив силы вкуснейшим куриным супом и жульеном из белых грибов, обсудили, наконец, положение дел. Картина выходила на редкость безрадостная.

– Я приношу свои извинения за причиненное беспокойство, – начал Джулиус, медленно подбирая слова. – Ситуация требовала от меня немедленных действий, я не мог отвлекаться на долгие объяснения.

Уловив в голосе легкую, почти неосязаемую нотку раскаяния, я поспешил воспользоваться паузой и вставил, нарочито обиженно:

– Тем не менее я не считаю, что заслужил к себе подобное отношение. Покинув тогда пансионат вместе с тобой, я ожидал, что стану помощником, а не обузой.

Мои слова странно подействовали на Джулиуса, он словно перестал дышать на несколько секунд, не сводя застывшего взгляда с чашки с дымящимся чаем.

– Что? Прости, Филипп, просто ты напомнил мне одного человека.

Захотелось спросить об этом, но что-то остановило – быть может, боль, на мгновение омрачившая бледное лицо Джулиуса.

– Медлить нельзя, – резко сменил он тему. – Какую бы цель ни преследовал неизвестный могильщик, он повторит, я уверен.

– Почему? У него не получилось?

– Вероятнее всего. Если бы ты ошибался, весь город знал бы об этом. Подобные вещи, Филипп, совершают не чтобы хранить в тайне. Да и тяжеловато утаить зловонный полусгнивший ходячий труп. – Джулиус криво улыбнулся своим мыслям. – Если ты обратил внимание на дату смерти.

Я поежился:

– Зачем кому-то вообще понадобилось оживлять трупы?

– Оживлять? Нет, оживить – значит вернуть к жизни, а люди на это не способны. – И снова взгляд его затуманился, точно проваливаясь в прошлое. – Не оживить, только поднять и заставить подчиняться приказам. Перефразируя Цезаря, «поднимай и властвуй»⁶.

И все-таки мне сложно было принять это, вероятно потому, что сам я никогда не желал ни над кем властвовать, тем более над человеком, умершим и покоившимся в земле.

– Возможно, ты слышал об экзотической религии, что практикует подобное вмешательство в естественный ход вещей?

⁶ Divide et impera (лат.) – «Разделяй и властвуй», принцип древнеримской политики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.